

05
24. 11.86

Ускупка

ЯНВАРЬ • 1969

год издания XIII

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

газеты
«Ленинские
искорки» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Семён КОГАН

Утро нынче
Выдалось отличное,
Не роса на листьях —
Майский мёд.
Опершись
О крыши
 черепичные,
Солнышко
Над городом
Встаёт.

Не спеша
Всё выше
 подымается,

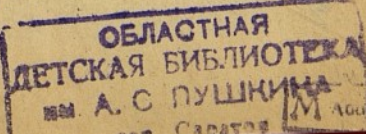
Повязав
Платочек голубой,
День ещё ведь
Только начинается
И у солнца,
И у нас с тобой.
Всё, что мы
Желаем сделать,
Сделаем,
Трудно будет —
Это ничего.
Новый день —
Ещё страничка

Ручки в руки —
И пиши его.
Он пока что
Только обозначился.
Первый луч едва
Проникнул в дом.
Но писать его
Нам надо начисто,
Чтоб

 не переписывать
Потом.
Сколько дел
Хороших намечается
В это утро
Нами в тишине!
Так пускай же
Нынче не скучается
Ни тебе,
Ни солнышку,
Ни мне.

белая:

Рис. Ю. Бочкарёва

То, о чём рассказано в этой повести, происходило давно — примерно тридцать лет тому назад.

До Великой Отечественной войны ещё оставалось лет пять. До запуска первого искусственного спутника — целых двадцать!

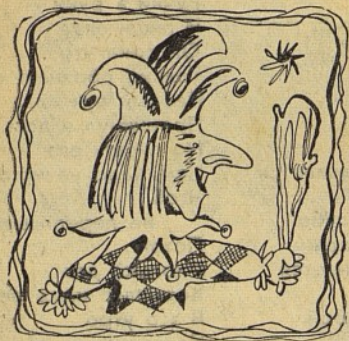
Я родился и вырос в доме, очень похожем на тот, в котором живут герои этой книги.

Я знал и любил людей, очень похожих на тех, о ком вы сейчас прочтёте.

И если я так мало рассказываю о самом себе, то это только потому, что моя собственная жизнь была гораздо меньше наполнена весёлыми и печальными, забавными и серьёзными, а также не поддающимися определению событиями, чем жизнь друга моего детства Туся Пряникова.

АВТОР

НИ НАРОЧНО, НИ НЕЧАЯННО

Тусин дом на краю рынка. Рынок кипит и волнуется, как море. А дом врзался в него острым углом, точно корабль.

Повесть печатается с сокращениями.

Рынок обтекает дом со всех сторон и шумит-бурлит с раннего утра до позднего вечера.

И балкон — это уже не балкон, а капитанский мостик!

И сам Туся — капитан.

Синяя матроска на нём — красные полосы по воротнику, красные якоря на рукавах.

И ружьё у него на верёвочке.

Стоит Туся на балконе, озирает море вблизи и вдали. Не появились ли пираты? Не видно ли китов? Не показалась ли земля?

Но даже если посмотреть на рынок просто как на рынок — всё равно он необыкновенный. Здесь можно купить

всё, что угодно: картошку, ча-сы, подсолнечное масло, само-вары, бананы, незапирающие-ся замки, неоткрывающие-ся ключи, книжки, картинки, птиц, собак, черепах, белых мышей, мышеловки, порошок от клопов, вино в розлив...

Справа слышно: «Га-га-га!» Там в зелёном балаганчике выступает Петрушка. Это кук-ла такая — Петрушка. Вот он барина подстерёг на дороге: как даст дубиной по голове! У барина из головы дым! Все: «Га-га-га!»

По тротуару напротив бал-кона люди ходят. На вытяну-тых руках, точно на вешалках, брюки носят, платья, юбки.

Точильщик крутит своё ко-лесо и тонким голосом кри-чит:

— Та-ачить на-ажы! Та-ачить на-ажы! Но-ожницы!..

А слева слышно: «Пи-пи-пи! Чок-чок-чок!»

Там птицами торгуют. Пти-цы скачут по клеткам, нервни-чают, верещат.

Время от времени над рын-ком свисток: тр-р-р! тр-р-р! Это милиция. И все, забыв про свои дела, бегут куда-то...

Под Тусиным балконом бу-лочная Филиппова. Это рань-ше, до революции, был такой булочник — Филиппов. Когда началась революция, он, гово-рят, за границу убежал, а бу-лочные — их было у Филиппо-ва около десятка, — булочные по-прежнему называют «фи-липповскими». «Какая у вас булка вкусная», — говорят гости. «У Филиппова взя-ла», — отвечает мама.

Тут же на дворе и пекарня, и когда рано утром из печей вынут свежий хлеб — по дво-ру, по дому, по улочкам-пере-улочкам запахнет вдруг под-жаристой горбушкой. Замеча-тельная минута!

Из пекарни вверх, с этажа на этаж, взбегают лоснящиеся сигарообразные крысы. По воскресеньям мужчины с ко-чергами в руках устраивают на них облаву.

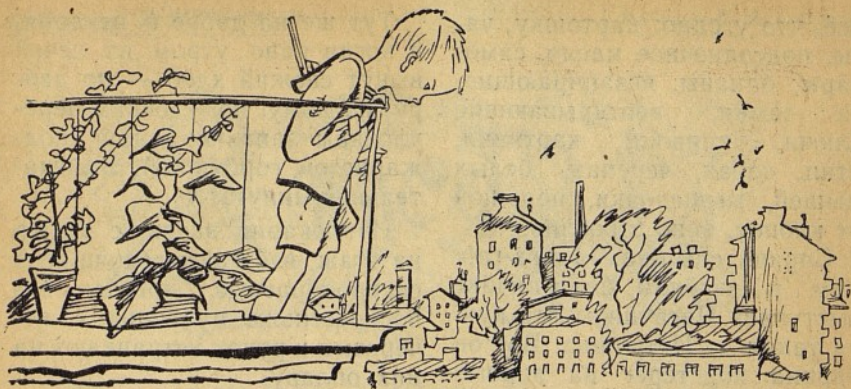
Если посмотреть с балкона прямо вниз, увидишь будочку Ибрагима. И самого Ибраги-ма увидишь, как он сидит на пороге своей будочки и чистит кому-нибудь сапоги, ботинки или туфли.

...Итак, стоит Туся на бал-коне, озирает море вблизи и вдали.

Ни пиратов, ни китов, ни земли не увидел Туся, и тогда он перевёл взгляд вниз, туда, где сидел около своей будочки Ибрагим. Туся замер. Его взгляд застыл, приклеился, приковался к предмету, кото-рый был на одной линии с его глазом.

Если бы опустить грузик на нитке, он пришёлся бы точ-но на этот предмет!

Туся прищурился. Под его глазом сверкала, блестела, прозрачно желтела, как моло-дая яичница, обширная, пра-вильной формы — лысина! Её хозяин мирно сидел на кожа-ном стуле, а Ибрагим, ловко согнувшись, как бы склонив-шись к шее коня в бешеном га-лопе, надраивал двумя щётка-ми сизые полуботинки.

И вот тут-то произошла с Тусей странная вещь. Он испытал непреодолимое желание плюнуть на лысину.

Желание было так велико, что Туся зажмурил глаза и крепко закрыл рот.

Надо уйти с балкона!

Туся приоткрыл глаз.

...Есть такие поступки, про которые никак нельзя сказать: «Это нечаянно». Но и «Нарочно» тоже сказать нельзя.

Туся прищурился... Тут бы ему и убежать. Нет, стоит и смотрит, не отрываясь, вниз.

А внизу уже произошли значительные перемены. Лысины не видно, зато на Тусю смотрит огромный разинутый рот, широкий нос и два глаза, которые все вместе кричат что-то ужасное.

И видны руки, которые сжимаются в кулаки.

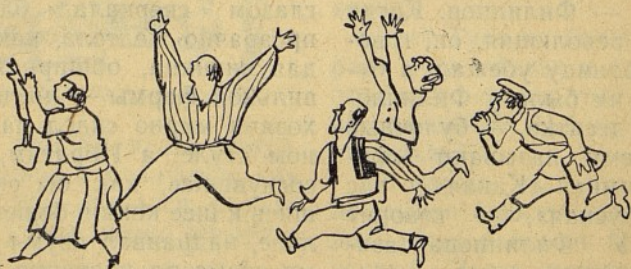
И виден Ибрагим, который соскочил со своего бешеного коня и теперь как бы разминается перед новым галопом, и прыгает, и крутит головой, и цокает языком, и кричит:

— Михайлов! Михайлов!

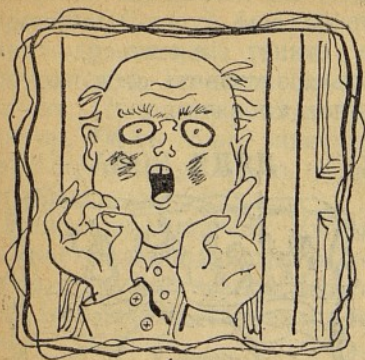
И виден милиционер в белой гимнастёрке, белой фуражке, белых перчатках — сам оперуполномоченный товарищ Михайлов, который протягивает свою белую руку по направлению Тусиного балкона.

И много других рук, протянутых в том же направлении.

Поздно бежать. Туся снял ружьё с плеча, лёг на балкон и прицелился в товарища Михайлова.

ЯБЛОЧКО ОТ ЯБЛОНИ

За спиной раздался длинный нетерпеливый звонок.

Словно невидимая рука смахнула Тусю с балкона, бросила под кровать и притиснула к стене пыльным чемоданом.

Хлопнула входная дверь. В ответ ей заскрипела и приоткрылась дверь в Тусину комнату. И слышались голоса...

Товарищ Михайлов. Кто у вас в комнате с балконом проживает?

Сосед Градобоев. Пряники-вы, муж с женой и сын ихний, Туся...

Бабушка Градобоева. Самих-то дома нет, на службе.

Наверно, лысый. Надо проверить, кто такие! Мальчишку на балконе оставляют, он людям на голову плюёт...

Бабушка Градобоева. Да неужто Туся? Золото ведь, не ребёнок!

Соседка Маргарита. Проверьте, проверьте, они за комнату в срок не вносят!..

Товарищ Михайлов. А, гражданка Галкина! Почему ковёр на улицу трясёте?

Соседка Маргарита. Я, ковёр?!

Несомненно лысый. Хватит языком молоть! Подайте сюда этого щенка!

Товарищ Михайлов. Минутку, гражданин... Гражданка Галкина, у меня свидетели...

Соседка Маргарита. Я, ковёр? Где у меня ковёр? Я бедная женщина!

Ибрагим. Э, клиент... Клиент... Двугривенный, а?..

Лысый. Успеешь. Где этот шкет?

Соседка Маргарита. Вот ихняя дверь, вот!

Бабушка Градобоева. Богато побойся!

Голоса приближаются. Вступает ещё один.

Дядя Вова. Я слышу, здесь племянника моего обвиняют...

Соседка Маргарита. Яблочко от яблони...

Дядя Вова. А, товарищ Михайлов!.. Между прочим, эта дама не подчиняется общему собранию жильцов, не выводит своих тараканов...

Соседка Маргарита. Клеветник! Пьяница!

Лысый. Хватит воду мутить! Давай сюда племянника!

Дверь скрипит, хлопает, приоткрывается, опять хлопает...

Голоса. Не давите, не давите... Надо составить акт... Кто видел? Кто? Спокойно, не напирайте!.. Не превышайте, гражданин! Здесь разбойник-то, где ему ещё быть!.. Не превышайте!.. Вы в суд подайте, в суд!.. Я покажу, как на людей плевать!.. Акт составим и

дело в шляпе... Товарищ Михайлов, держите их, я сейчас...

Дверь распахивается. Туся видит дяди Вовины ноги в домашних туфлях на толстой подошве. Ноги шаркают по полу, подходят к шкафу, дверца шкафа поёт.

— Туся, где же ты, негодный мальчишка?

Ноги шаркают по направлению к балкону.

— Никого, — говорит дядя Вова.

Он подходит к самой кровати, наклоняется. Туся слышит его дыхание, видит его лицо, глаза...

Дядя Вова выпрямляется и говорит:

— Вот что, товарищи. Произошла явная ошибка. Вы перепутали балкон. Это сделал не Туся. Мой племянник не стал бы прятаться, он храбрый мальчик. Он не стал бы залезать под кровать или в шкаф. Это ошибка. Ищите этажом выше. Вы от волнения перепутали. Если бы со мной такое произошло, я бы тоже перепутал...

Говоря всё это, дядя Вова постепенно удаляется, закрывает за собой дверь. И голоса удаляются, удаляются...

«...Анекдот какой-то!.. Я буду жаловаться. Управу найду! Откройте, гражданка Галкина! Видал! Что-о? Товарищ Пряников, вы свидетель... Ковёр... Тараканы... Суд... Э, клиент, а двугривенный? Давай, давай!..»

Туся лежит под кроватью, и сердце у него постепенно откачивается на место. Он думает

о себе с радостью и тоской, думает, что ещё не всё потеряно, что он ещё будет храбрым и не станет прятаться, надо только заставить себя вылезти из-под кровати...

ДЯДЯ ВОВА

У Туси три дяди.

Один дядя дипломат. Его Туся никогда не видел. Впрочем, один раз видел, когда стал уже большим: на старой фотографии, в пожелтевшей хрупкой газете. Дядя — седой и в очках — подписывал договор о дружбе с одной иностранной державой.

Другой дядя — профессор. Он изучает лес. Из чего деревья состоят и что можно из этих деревьев сделать.

Дядя строгий, молчаливый, с большим животом. На животе — цепь от часов.

В отличие от дяди-дипломата и дяди-профессора, дядя Вова — дилетант.

Так о нём говорят многие. А Тусин папа добавляет: блестящий дилетант!

Прежде всего я должен объяснить, что такое дилетант. Так взрослые говорят о человеке, который знает обо

всём понемногу и ничего не знает в совершенстве. Им, взрослым, больше по душе такие люди, которые знают что-нибудь одно, но зато основательно. Например, дядя-профессор. Уж он-то всё знает про свою древесину. Вдоль и поперёк!

Или дядя-дипломат. Уж он-то знает, как подписывать договор с дружественной державой! Где печать ставить и прочее.

Или взять Тусиного папу. Он работает в банке, где деньги хранят, и на счётах щёлкает, как из пулемёта строчит: тра-та-та-та...

Никого из них, по-моему, нельзя сравнить с дядей Вовой. И Туся с этим совершенно согласен.

Разве у кого-нибудь из них есть двустволка с блестящими холодными дулами?

Разве у кого-нибудь из них лежит перед кроватью шкура убитого ими волка?

А жёлтый человеческий череп, найденный в настоящей пустыне! Своими руками поднял его дядя Вова с земли и положил в рюкзак. Да у них смелости не хватило бы...

Кто из них умеет рисовать?

А дядя Вова нарисовал Тусин портрет. Он и сейчас висит в круглой раме у Туси в комнате.

А как он играл на рояле!

Он никогда не играл громко, хотя Туся просил его: «Громче! Громче!»

И Туся постепенно понял: чем тише — тем лучше.

Кто из вас согласится ночевать

на кладбище, в склепе? Дядя Вова ночевал. Хоть бы что!

Приезжает он летом в Крым — гостиницы заняты, комнаты сданы, углы забиты. Словом, ночевать негде. Дядя Вова узнаёт, где находится местное кладбище, отправляется туда, выбирает себе самый красивый склеп и ночует в нём.

Весной дядя Вова был чертежником.

Летом — археологом.

Осенью — художником в жилконторе.

Зимой — учителем музыки.

На новую весну — агент какого-то издательства, пропадает всё лето, осенью его видят с фотоаппаратом через плечо — Телеграфное Агентство Советского Союза, не шутит! Зимой — здравствуйте, пожалуйста, — механик автопарка!

А весной...

Но я должен остановиться и передохнуть.

ТУСЯ

По-настоящему, по-человечески Тусю звали Сашей, Шурой, Александром. Так и в ме-

трике было записано. Но папа и мама, а за ними соседи по квартире, а за ними родственники, сначала ближние, потом дальние, а за ними друзья, знакомые, приятели папы и мамы — все звали его Тусей.

Когда Туся подрос настолько, что мог уже задавать сложные вопросы, он спросил своих родителей:

— Почему вы зовёте меня Туся, когда я вовсе не Туся?

Вопрос этот застал родителей врасплох. Папа подумал и ответил:

— Мм-м... Видишь ли, ты сам себя так назвал. Да, да! Как только ты научился говорить, мы спросили: мальчик, тебя как зовут? И ты ответил: Туся!

— Мне не нравится это имя, — сказал Туся.

Он не понимал, что почти у каждого человека есть какое-нибудь прозвище и он, Туся, ещё легко отделался. Его прозвище звучит совсем не обидно. Туся и Туся. Гораздо хуже Баран, Крокодил, Крыса или, к примеру, Бензин-Керосин.

— Хорошо, — сказал папа, — мы будем теперь звать тебя Сашей или Шурой, а лучше вот как: Сашурой!

И папа засмеялся, довольный своим изобретением.

Слово дать легко — попробуй выполни!

Если ты привык ходить без галош и тебе неожиданно купят галоши, ты их в первый же день где-нибудь оставишь. Привычка!

Так и с Тусиными родителями. Они понимали: не надо больше называть сына Тусей, Тусенькой и тому подобное. Но остановиться не могли.

Стоит Тусе задержаться во дворе, перегулять минут десять, открывается форточка и — на весь двор:

— Туся! Туся!

Тотчас двор оглашается криками. Сколько бы ни было там ребят — все кричат, как сумасшедшие:

— Туся! Туся!

И Туся сквозь эти крики идёт домой.

У каждого человека есть терпение. И это терпение когда-нибудь кончается.

Однажды стала мама кричать в форточку:

— Туся! Тусенька!

А Туся взял и спрятался. В сарай. На заднем дворе. Сидит в темноте и слушает: «...уся! уся!..» Это ребята бегают по двору, ищут его.

Наконец утомились, надоело.

Ещё раз-другой прятался Туся в сарай, пока мама не разгадала его хитрость.

— Шурик, домой! — закричала она тогда.

И все ребята, сколько их было во дворе, а было их не меньше трёх десятков, продолжали играть в свои игры — фантики, попа-загонялу, клас-сы, штандарт...

Туся оставил свою игру и спокойно пошёл домой.

ТЕЛО И ДУША

— Чтобы тело и душа были молоды!.. — поёт Тусина мама.

— Чтобы тело и душа были, как лапша! — кричит Венька Американец.

Мама наверху, на окне стоит, а Венька внизу, на дворе кривляется. Маме не слышно его, но Туся всё равно злится и грозит Веньке кулаком. Не видит Венька кулака...

Венька приехал из Америки, где его папа инженер был в длительной командировке, приехал с родителями, с дедушкой врачом и холодильником. Единственным на весь дом, а может быть, и на всю улицу холодильником!

Ну и что? Значит, все должны его, Веньку, слушать?

Мама стоит на подоконнике и моет окно. Сегодня все моют окна. Будто сговорились. Но никто не сговаривался. Просто скоро Первое мая. Самое время мыть окна.

Женщины стоят на своих подоконниках в синих халатах, в разноцветных передниках, на головах красные косынки. Женщины моют рамы, моют стёкла, на стёклах плавится солнце, и солнечные зайцы бегут по стенам.

Мама моет стекло. Стекло скрипит. И весело гудит на кухне примус.

Мама поёт.

Многие женщины поют, когда моют окна, потому что идёт весёлая весенняя уборка, потому что скоро Первомай и вообще с песней, как известно, легче.

Но другие женщины поют тихонечко, себе под нос, а мама поёт громко, во весь голос.

Голос у мамы замечательный. Туся забыл, как он называется. Сам профессор консерватории сказал, что голос у мамы замечательный. «Учиться, учиться, голубушка!..» А мама вместо «учиться» Тусю родила. Некогда ей учиться.

Туся чувствует себя виноватым. В чём? Он и сам не ответит, если вы его спросите. Может быть, ему неловко оттого, что он не вовремя родился...

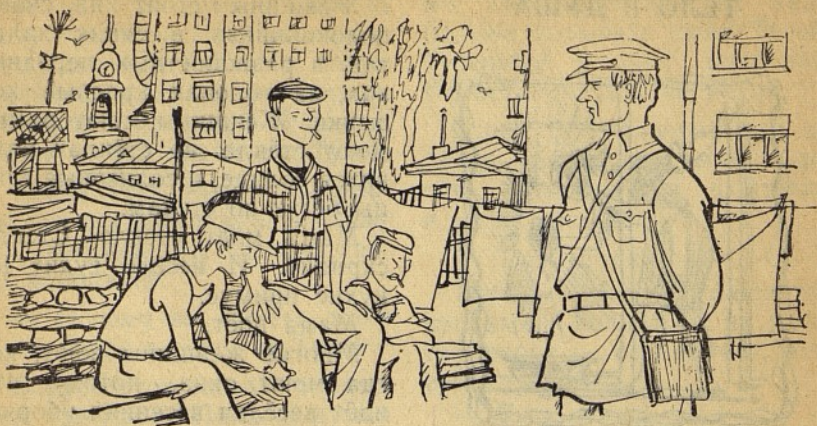
...Мама моет стекло и поёт:

Можно галстук носить

очень яркий

И быть в шахте героем труда!..

Туся видит, как женщины оборачиваются, как они застывают в своих окнах с тряпками в руках, точно портреты в рамах, как они вытирают пот со лба и улыбаются...

*Как же так — резеда
И героем труда,
Почему, растолкуйте вы мне?..*

Мама выжимает тряпку, примус гудит упруго, горелка его светится малиново, а закопчённые стены кухни и чёрный её потолок белеют от солнца.

*...Потому что у нас
Каждый молод сейчас
В нашей юной, прекрасной
стране!..*

Туся подаёт маме воду, мыло, старые газеты. Хорошо, когда распахиваются зимние окна! Хорошо, когда в комнату входит солнце! Хорошо, когда выметаются пыль и грязь! Ура!

Мама трёт щёткой раму и поёт.

Веселей, дружнее заработали женщины на своих окнах. Громче заскрипели, звонче зазвенели стёкла. Выглядывают из-за широких женских спин ребята: Наточка, Петя, Серёжа, Дина, близнецы Караваявы... Родители Лёвы

Тройкина свесились со своего окна. Строгим шагом вошёл во двор оперуполномоченный товарищ Михайлов. Что, бродячие певцы? Шарманщик? Или, не дай бог, цыгане?.. А-а... Товарищ Михайлов козырнул Тусиной маме и вынул из кармана именной портсигар.

Венька Американец куда-то смылся. На ступеньках под окном сидит Аркашина компания и сам Аркаша-хулиган сидит. Компания курит папиросы «Люкс» и пускает колечки.

...Вот и стёкла сухие. И песне конец.

И тогда-то раздались аплодисменты. Как по радио говорят: бурные и несмолкающие.

В окнах гроздьями висели женщины с детьми и, протянув вперёд руки, хлопали в ладоши.

Хлопал товарищ Михайлов, глядя в упор на Аркашу и Аркашину компанию.

Хлопал Аркаша и хлопала его компания, в упор глядя на товарища Михайлова.

Мама смутилась, покраснела, оглянулась на Тусю и стала закрывать окно. Отовсюду закричали:

— Погодите!

— Не запирайте!

— Спойте ещё!

— «Мой костёр»!

— «Ой ты, сердце»! Ну, пожалуйста...

— «Катюшу»!..

Мама стоит в нерешительности у полузакрытого окна. Туся теребит её за рукав:

— Ну, спой... Спой ещё...

Входит папа с книгой в руках.

— Деточка, — говорит он вкрадчиво, — не обижай публику, спой ещё одну...

Мама распахивает окно. Опершись на чистый подоконник, окружённая синими, сверкающими стёклами, она поёт.

ВЕНЬКА АМЕРИКАНЕЦ

Этот Венька Американец такой человек: играет, например, с Тусей в шахматы. Проиграл и говорит:

— Ну, когда отыгрываться будешь?

— Почему отыгрываться? — спрашивает Туся.

— Потому что ты проиграл, — невозмутимо отвечает Венька Американец.

— Это ты проиграл, — говорит Туся.

— Я выиграл, — холодно улыбаясь, говорит Венька.

— Ты что! — горячится Туся. — Я тебе мат сделал! Вот — ферзём и турой!

— Мат? — удивляется Венька и смешивает фигуры. — Я тебе мат сделал.

— Ну, сыграем ещё раз, я тебе докажу, — говорит Туся вместо того, чтобы стукнуть Веньку по его толстомясой башке.

— Давай, — пожимает плечами Венька, — всё равно проиграешь.

Венька ещё ни разу не выигрывал. Ни разу.

— Будем играть при свидетелях.

— Это ещё зачем? — спрашивает Венька.

— Чтобы ты не врал.

— Ах, чтобы ты не врал! Пожалуйста, зови...

Туся сжимает кулаки и идёт звать свидетелей.

Всех привёл, кто был во дворе. Даже тех, кто шахмат в глаза не видел. Пусть смотрят на всемирный Венькин позор!

Начали. На двенадцатом ходу Туся объявил Веньке шах. На шестнадцатом съел ферзя. На двадцатом... Ну, как? Все видят? Мат!

— Когда отыгрываться будешь? — спрашивает Венька негромко.

— Что-о?!

Венька протягивает руку, чтобы смешать фигуры, Туся тащит доску к себе, фигуры разлетаются по земле, свидетели орут:

— Бей его!

— Кто выиграл? — кричит Туся не своим голосом.

— Я, — тихо отвечает Венька. И бледнеет.

— Ты? — кричит Туся и подымает над головой шахматную доску.

— Я! — говорит Венька и встаёт на карачки. Он прячет голову и выставляет кверху ягодицы, обтянутые прекрасными американскими штанами.

— Кто выиграл? — кричит Туся, и шахматная доска отскакивает от Венькиных ягодиц, словно те резиновые.

— Я! — глухо отвечает спрятанная Венькина голова.

— Бей! — орут свидетели.

— Кто выиграл? — кричит Туся отчаянно.

Плюх... Плюх...

— Я! — упорствует Венька.

— Бей!

— Кто?..

— Я!..

— Бей!..

— Кто?..

— Я!..

Туся бросает доску и идёт прочь. Венька осторожно выглядывает из-под руки, кричит: «Я! Я!» — и снова прячет голову.

Туся не оборачивается. Он уходит на лестницу, забирается на самый верхний этаж, садится на подоконник и прислушивается к жужжанию пыльных мух.

Что за человек этот Венька? Надавал ему, и никакой радости... Его бьют, а он кричит: «Я, я!» Штаны, как масляные, и это — плюх, плюх...

А может быть... Может быть, Веньке надо выиграть хоть раз по правде и он успокоится? Наверно, он ни разу ни у кого не выигрывал?.. Неужели ему так хочется выиграть?

Туся смотрит сквозь пыльное стекло и видит, как через двор, оглядываясь, идёт Венька, держа под мышкой шахматы. Он идёт поспешно, быстрее, чем нужно идти человеку.

Туся отворачивается.

Всё уходит: злость, досада, отвращение.

А удивление остаётся. Удивление перед несокрушимым Венькиным упрямством.

ЛЁВА ТРОЙКИН

Лёва Тройкин, Лёва Тройкин... Красная футболка с чёрным воротом, белый шнурок, голова давно не стрижена... Наклонит голову к плечу — сейчас боднёт...

И почему он не оставит Тусю в покое?

И почему Тусю так тянет к нему?

И почему Лёва делает с ним, что хочет?

И почему Туся всё это терпит?

Как это получается: в пятнашки — Тусе водить, в прятки — Тусе водить, в двенадцать палочек — тоже...

Хуже всего двенадцать палочек. Ударит Лёва по до-

ске — палочки как ветром сдует! Бегай, собирай! За это время спрятаться можно!..

Нет, хуже всего держаться за электричество. Лёва Тройкин выдумал эту игру сам. Нашёл он на лестнице такое место: возьмёшься одной рукой за перила, другой — за стенку, и через тебя ток идёт.

По правде сказать, ток этот совсем слабый. Гораздо сильнее страх. А ещё сильнее стыд.

Если все мальчишки и девочки берутся за руки, а крайние — за стенку и перила, как же Тусе остаться в стороне?

— Есть контакт! — кричит Лёва, и все чувствуют, что контакт есть.

И Туся чувствует, что контакт есть. Он чувствует, как сквозь него бежит электричество. Туся прыгает, хохочет, извивается... У-у-у, как он терпит!

Почему он сдаётся первым? Ну, третьим, вторым хотя бы. Нет, первым!..

Вечером, в постели, Туся мечтает, каким сильным и смелым он вдруг станет. И тогда Лёва Тройкин возьмёт его в друзья.

Ничего ему больше не надо. Ради этого всё можно вытерпеть. Ради того, чтобы идти рядом с Лёвой Тройкиным и ловить взгляды прохожих. «Да-да, это мой друг... Вы бы тоже хотели иметь такого? Понимаю... Но не каждому так везёт...»

Прошлой зимой Лёва Тройкин свинтил с кроватей все

шарики. У себя дома свинтил, к Тусе пришёл — свинтил и, забравшись с Тусиной помощью к дяде Вове, там тоже свинтил.

Эти шарики служили для красоты и для дела. В то далёкое время каждая металлическая кровать была увенчана такими шариками. Стоило их свинтить — кровать начинала дребезжать, звенеть, покачиваться, скрипеть, не говоря уже о том, что внешний вид её не вызывал никакой радости.

Лёва Тройкин и Туся сидели на полу и считали шарики. Рядом потрескивала сосновыми дровами кафельная печь, украшенная толстыми крылатыми мальчишками.

— Тридцать пять, тридцать шесть, — считал Лёва. — Давай катать!..

Катали-катали... Надоело.

Стали вверх кидать и ловить. Тоже надоело.

Стали в цель бросать. Чуть стекло не выбили.

Разделили шарики пополам и гадали по очереди: в какой руке? Угадаешь — твой.

Никто не выигрывал.

— Ага, придумал, — сказал Лёва Тройкин и открыл печную дверцу. Он стал швырять шарики в печку один за другим.

— Прячься! — крикнул он Тусе. — Сейчас будет взрыв!

Туся спрятался за буфет. Взрыва не последовало.

— А я нарочно. Вылезай, — сказал Лёва Тройкин.

Они сели около печки и стали смотреть в огонь.

Даже такие озорные люди, как Лёва Тройкин, стоят им сесть у огня, становятся на некоторое время как бы другими. Потом они снова будут шалить, но некоторое время сидят тихо и остолбенело глядят в огонь.

...Словно солдатики в алых мундирах, стреляя на бегу, взбираются вверх по поленьям упругие и гибкие языки огня. Крепость не сдаётся, но малопомалу они окружают её. Стены крепости чернеют, обваливаются с треском, и обнажается ярко-оранжевый город... Враг забросал его ядрами. Вон они валяются там и сям, тускло-багровые ядра.

— Золото... — говорит Лёва Тройкин, — золотой век... Хочешь золота?

Туся кивает.

— Гляди, вон золото, — говорит Лёва и показывает кочергой на россыпь шариков. Он подвигает их ближе к печной дверце.

— Бери, — шепчет Лёва, — оно твоё, твоё!..

— Как? — шепчет Туся.

— Рукой, вот как!

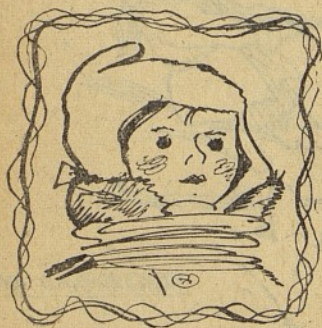
Туся потянулся и схватил ближайший шарик...

— Ты что, дурак? — прошипел Лёва. Он смотрел на Тусю удивлённо и с опаской. Собственно говоря, он впервые смотрел на него: что за человек такой?..

Вряд ли надо описывать, как люди плачут, обжёгшись. Как им оказывают первую помощь.

Впрочем, запомните: постное масло. Лейте на ожог постное масло!

ОБЕЩАЛ — ВЕЗИ

Розалия Степанова, или попросту Роза, переехала в Тусин дом сразу после Нового года. И на следующее утро вышла гулять.

Её сразу окружили ребята: шумят, дёргают за пальто, спрашивают, кто о чём.

— Тебя как зовут, а? Как зовут?

— Ты откуда?

— Ты чья?

— У тебя санки есть? А игрушки — есть? А лопатка?..

— Я видел, ты вчера в окно смотрела. Нос прижала и смотрела. Зачем смотрела?

— А меня Шурик зовут, — сказал Туся.

Роза Степанова в башлык закутана, только нос и щёки торчат, а глаза так и зыркают по сторонам, как бы чего не прозевать. Смелая девчонка, думает Туся, приехала в чужой двор и ничего не боится...

— Ты, Шурик-дурик, меня за пуговицу не дёргай, отве-

чать будешь, если оторвёшь, понял... — говорит Роза Степанова.

— Шурик-дурик, ха-ха, Шурик-дурик! — закричали ребята и оставили Розу в покое.

— А я могу на санках покатать, — сказал Туся как ни в чём не бывало. — Кто хочет?

— Я хочу!.. Я!.. Я!..

— Я хочу! — громче всех закричала Роза Степанова.

— Садись, — сказал Туся.

Роза вытянула вперед длинные ноги — они не помещались на санках — и Туся покатиł её по двору: мимо горки, мимо помойки, мимо сарая, мимо дров... Остальные бежали сзади и кричали:

— Меня! Меня!..

Туся остановился передохнуть.

— Я могу и двое санок везти, — сказал он. — Привяжите.

Привязали. На вторые санки сели двое, а на первых — всё та же Роза. Не слезает, кричит:

— Быстрее, быстрее!..

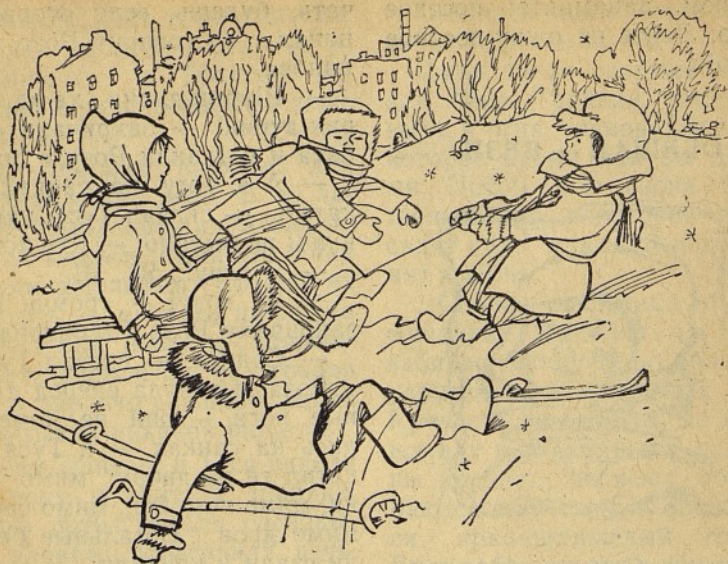
Покатиł Туся двое санок по двору. Мимо горки, мимо помойки, мимо сарая... Тяжело. А Роза кричит сзади:

— Давай! Давай!..

Остановился Туся дух перевести и говорит:

— Я могу целый поезд катать. Хотите — привязывайте.

Привязали ещё санки — поездом. Все за санки цепляются, падают, каждый хочет кататься. Туся улыбается: «Пожалуйста, садитесь, всех прокачу...» А Роза с передних санок кричит:

— Давай вези! Чего стоишь? Обещался — вези!

А сама нарочно ногами в снег упирается.

Другие на неё смотрят и тоже в снег упираются. «Давай, — кричат, — вези! Обещал — вези!»

Туся — верёвку через плечо, поднатужился... Ни с места. Обернулся, видит: Роза изо всех сил ногами в снег упёрлась. И другие, на неё глядя, тоже упёрлись.

— Вы ногами держите, — сказал Туся, — я вижу.

— Врёшь, врёшь! Не держим! — кричит Роза и ногами болтает. Другие, на неё глядя, — тоже.

Туся снова верёвку на плечо. Раз-два-три! Ни с места. Повернулся, а Роза скорей

ноги убирает, чтоб он не заметил.

— Так нечестно, — сказал Туся, — вы держите.

— Честно, честно! — кричит Роза. — А ты, Шурила-дурила, обещался — вези!

Туся третий раз верёвку на плечо и такой вдруг сердитый стал — сам испугался. Набрал побольше воздуха, щёки надул, ногами в снег втоптался и — рраз! И — два! И три!.. А в голове у него: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Жарко Тусе. Чуть не бросил он верёвку, да кричит сзади Роза:

— Шурила-дурила, быстрее!

И вдруг — сдвинулись санки. Медленно-медленно поехали по двору.

Обернулся Туся: с последних санок двое мальчишек

слезли и ему помогают — вперёд толкают санки. Роза ругается, грозит им, а они не слушают, делают своё.

— Поехали! — кричит Туся.

— Поехали! — кричат те двое.

Помчался поезд мимо горки, мимо помойки, мимо сарая, мимо дров. Роза не удержалась на повороте — бах! — и в сугроб.

Приехала.

(Продолжение следует)

*

Мих. САДОВСКИЙ

У каждого лентяя

У каждого лентяя,
У всякого бездельника
Есть присказка такая:
— Начну-ка с понедельника!..

«Начну-ка с понедельника
Вставать пораньше, сам.
Начну-ка с понедельника
Зарядку по утрам!

Начну-ка с понедельника
Уроки я учить!
Начну-ка с понедельника...»
Да что там говорить!

Приходит понедельник, —
Тяжёлый, значит, день.
И думает бездельник:
«Сегодня что-то лень!..

Не в этот понедельник
Мне надо начинать,
Мне надо понедельник
Полегче подобрать!»

Потом уже во вторник,
Вздыхнув, решит опять:
«Начну-ка с понедельника
Задачки я решать!»

Но что-то с понедельником
Пока что нелады.
Эй, лодыри! Бездельники!
А может, со среды!!

Рис. Г. Ясинского

ПРЕКРАСЕН

КАЖДЫЙ РАЗ, когда я переступаю порог Эрмитажа, брожу по его залам, любуюсь изумительными картинами, каждый раз как-то невольно думается: а ведь всё это было намечено Гитлером к уничтожению...

Готовясь к войне с нашей страной, гитлеровские вояки разработали план полного уничтожения Ленинграда. Главарь фашистов приказал стереть Ленинград с лица земли. Для него он был самым ненавистным из всех городов. Еще бы: город трёх революций! Город, носящий имя великого Ленина! Ну, а то, что Ленинград — красивейший город мира, «музей под открытым небом», — до этого Гитлеру не было никакого дела.

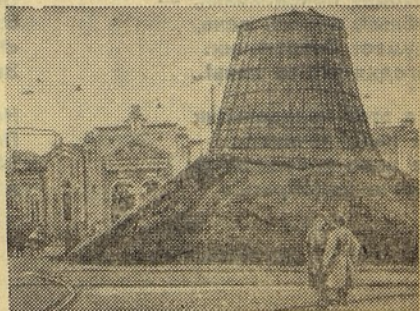
Чем закончилась война — об этом знают все. Планы бесноватого фюрера провалились. Фашистским войскам не удалось войти в наш город. Ленинградцы не только отстояли его, выдержали все испытания и победили — они сумели ещё и сохранить всё самое дорогое, заветное, любимое и ценное народом, его славу и гордость: произведения искусства, документы науки, коллекции музеев. И это был тоже подвиг.

...Огненным валом катилась к нашему городу война. Всё ближе к линии фронта оказывались Гатчина, Павловск, город Пушкин, Петергоф. Здесь царские дворцы, ставшие после Великого Октября музеями, тоже хранили ценнейшие произведения народного творчества, искусства: замечательные картины, скульптуры, старинную мебель, ковры, изделия из золота и хрусталя. Всё это необходимо было спасти.

Шёл лишь двадцатый день войны, а уже 162 ящика с сокровищами Гатчинского дворца были погружены в вагоны. Из Пушкина и Павловска спешили в Ленинград грузовики с музейным имуществом. Но во дворцах ещё оставалось много дорогих вещей.

В Павловском дворце стояли античные скульптуры, украшавшие залы. Высеченные из мрамора, они были очень тяжёлыми. Увезти их было не так-то просто. А бомбы уже сыпались на чудесный парк. Что было делать?

В подвале нашли пустующий отсек и стали сносить скульптуры туда. Здесь было безопаснее на тот случай, если в здание попадёт бом-

ИХ ПОДВИГ

ба. А как быть, если придётся уйти из Павловска? Неужели всё это редчайшее богатство достанется захватчикам?

И тогда решено было замуровать подвальный отсек. Быстро сложили кирпичную стену. Но уж больно свежей выглядела она среди других, почерневших от времени и сырости подвальных стен. Фашисты сразу догадаются: здесь что-то спрятано. Пришлось облить стену водой и сырую поверхность закидать песком и землёй. И стена стала похожей на старую.

Дворцовые скульптуры убрали. А парк? В нём ещё оставались среди буйной зелени фигуры Аполлона и его муз, Меркурия, Трёх граций... Их решили «похоронить». На газоне выкопали ямы и спрятали парковые скульптуры, засыпали землёй, поверхность покрыли зелёным дёрном.

В городе Пушкине знаменитую бронзовую скульптуру Пушкина-лицеиста тоже закопали неподалёку от пьедестала. Когда наши войска освободили город поэта, они увидели: этот пьедестал весь исхромсан пулемётными очередями. Сколько ни искали бронзового Пушкина гитлеровцы, так и не нашли. Вот и вылили они свою злость на пьедестал и на статую поэта у Египетских ворот: более ста пробоин насчитали в ней после освобождения города.

Готовился к спасению своих сокровищ и Эрмитаж. Готовился Русский музей. Мне довелось побывать в те дни в Эрмитаже и в Русском музее. Кто из вас не ходил по залам Русского музея? И, очевидно, многие подолгу стояли у таких огромных полотен, как «Последний день Помпеи» Брюллова, «Медный змий» Бруни. В те дни в этом зале тоже былолюдно. Сотни людей вынимали из гигантских золочёных рам живописные полотна. Но ведь огромные холсты, на которых написаны картины, прикреплены ещё и к подрамникам!.. Как упаковать холсты в шестьдесят и более квадратных метров? А если и упакуешь, какой же потребуется транспорт, чтобы перевезти такие картины?

Надо было снять холсты с подрамников, снять осторожно, чтобы не повредить творения русских гениев. На помощь музейным работникам пришли ленинградские художники, студенты, школьники старших

классов. Ведь готовить-то к дальней дороге нужно было не десяток-другой, а более семи тысяч картин. Да каких!..

Плотники и столяры изготовили огромные деревянные валы. На торцы к ним прикрепили колёса. Получилось что-то вроде гигантских катушек. На них-то с чрезвычайной осторожностью, чтобы не было ни единой складочки, ни морщинки, иначе осыплется слой краски, и начали накатывать картины. На один вал наматывали сразу несколько громадных картин. Кроме того, все катушки запеленали в чистые холсты и лишь после этого заколотили в огромные ящики. В таком виде их погрузили в эшелон и отправили сначала в город Горький, а позднее в Пермь, где сокровища Русского музея и хранились в годы войны.

Но особенно много работы было в Эрмитаже. Ведь этот один из самых больших музеев мира насчитывает сотни тысяч различных произведений искусства. На помощь коллективу Эрмитажа для упаковки и отправки сокровищ было прислано около двух тысяч солдат и матросов. Даже ночью здесь ни на минуту не прекращались работы.

Многие из вас видели в Эрмитаже статую французского философа Вольтера, изваянную скульптором Гудоном. Мраморному Вольтеру не раз приходилось менять своё местожительство. При жизни старый философ всячески высмеивал царей и церковников. Сменялись поколения, но злобу к язвительному Вольтеру цари хранили крепко. Однажды статуя попала на глаза Николаю I. Увидел он ироническую улыбку француза, круто повернулся и приказал выбросить «эту старую обезьяну». Скульптуру убрали из Эрмитажа. И начала она кочевать с места на место. Адреса «квартир» мраморного философа менялись много раз, пока не поместили Вольтера в одном из закрытых помещений Публичной библиотеки, спрятали в таком месте, чтобы никак уж он не попался на глаза российским самодержцам!..

И вот старому философу снова предстояло отправиться в путь. Заботливые руки матросов подняли статую и бережно понесли её вниз для упаковки. Вот она уже в ящике. Один из матросов шутит:

— Надеемся, что вам здесь будет удобно, мосье Вольтер?

Матросы засмеялись, и заодно с ними улыбалось морщинистое лицо старого француза.

Кроме музейных в нашем городе находились тогда и другие национальные сокровища. Надо было спасти от гибели драгоценные архивы русской культуры.

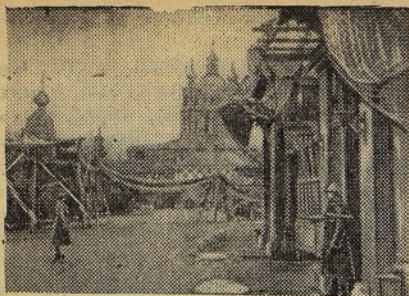
В Пушкинском доме хранились не только рукописи великого поэта, но и страницы, исписанные Лермонтовым, Гоголем, Тургеневым, Гончаровым, Салтыковым-Щедринным... В архиве Академии наук сберегались рукописи первого нашего академика Михаила Васильевича Ломоносова. Там же хранились протоколы всех заседаний Академии наук со дня её основания. А ведь это более чем за двести лет! Разве можно было оставить эти величайшие ценности на произвол судьбы?

Директором архива русской науки был тогда учёный Георгий Алексеевич Князев. Ещё в молодости тяжёлая болезнь приковала его к постели: у него отнялись ноги. Но его воля, упорство остались несломленными.

В первые же дни войны папки и рукописи вынули из стальных шкафов и сейфов, перенесли их в нижние этажи и подвалы. Старый архивариус доложил президенту Академии наук Владимиру Леонтьевичу Комарову:

— Рукописи готовы к отправке в тыл. Но как? Куда? С кем их отправлять?

— Сегодня же поговорю с Иосифом Абгаровичем Орбели, — ответил президент. — Сделаем всё возможное.

Академик Орбели был директором Эрмитажа. Это он возглавлял отправку сокровищ мирового музея. Конечно, Орбели неотлучно находился в музее, но найти его было не так-то просто. С воспалёнными от бессонных ночей глазами, с большой взъерошенной бородой, он носился из зала в зал, решал, что выносить в первую очередь, что во вторую, в третью. Каждый сантиметр площади в специальном эшелоне был на строжайшем учёте. Ведь чтобы эвакуировать все сокровища Эрмитажа, требовались не два-три эшелона, а десятки составов, сотни вагонов. Но старый академик понимал, что нельзя думать только о своём.

— Шестьдесят ящиков, и ни одним более! — ответил он Князеву. — Только самое ценное из ценного. Я принимаю ещё и рукописи Пушкинского дома.

По железной дороге богатства Эрмитажа везли с чрезвычайными предосторожностями. Их нельзя было транспортировать в обычных вагонах. Эшелон состоял из пульмановских четырёхосных вагонов, которые при движении почти не испытывали тряски. Это был необыкновенный железнодорожный состав. В середине и в конце эшелона двигались платформы, с которых грозно смотрели в небо стволы зениток. Рядом стояли зенитные пулемёты. Кроме двадцати двух товарных вагонов в поезде были и два пассажирских: один для работников музея, другой для военной охраны. Был и ещё один вагон, отличавшийся от всех своих собратьев. Сплошь бронированный. В пути этот железнодорожный состав специального назначения мог подвергнуться нападению фашистских бомбардировщиков, и чтобы обезопасить от гибели самые дорогие экспонаты, их везли под защитой брони.

Спустя двадцать дней за первым эшелоном ушёл на восток второй. В глубокий тыл отправили ленинградцы всё, что составляло гордость нашего города, наших музеев. Отправили в дальнюю дорогу то, что можно было упаковать, уместить в железнодорожные вагоны. Но ведь кроме музейных сокровищ на городских площадях, улицах, набережных, в садах и парках Ленинграда высились памятники, статуи. Изумительная красота многих из них неповторима. Как быть с ними?

Исполком Ленинградского Совета депутатов трудящихся создал специальную комиссию. Задача её одна — сберечь памятники. Руководить работами по укрытию памятников Исполком поручил известному скульптору, профессору Игорю Всеволодовичу Крестовскому.

Игорь Всеволодович и рассказал мне, как это удалось сделать.

Памятник Ленину у Финляндского вокзала вначале предполагалось вывезти из города на барже вверх по Неве, через Ладогу и далее. Но потом от этого плана отказались. Решили, что знаменитый монумент, являющийся символом нашего города, должен остаться на месте,

со всеми ленинградцами в трудные для них дни. Но вот укрыть его от бомб, осколков следовало непременно.

Памятник засыпали двойным количеством песка и земли, обшили каркасом из досок. Многие рабочие Выборгской стороны после напряжённого рабочего дня приходили сюда помогать укрыть памятник. Всем он был бесконечно дорог. Старый ваятель Сергей Александрович Евсеев, тот самый, который создал этот памятник, также приходил сюда работать. В жестокую стужу первой блокадной зимы вконец ослабевший скульптор шёл за несколько километров от своего дома до земляного холма, возвышавшегося перед вокзалом, чтобы убедиться, успокоиться: памятник Ильичу невредим.

Кроме памятника Ленину надо защитить от возможного разрушения Медный всадник, памятник Петру I у Инженерного замка, памятники Кутузову и Барклаю де Толли, Николаю I и другие. Надо было обезопасить бронзовых коней, украшавших Аничков мост на Невском проспекте, укрыть десятки мраморных скульптур Летнего сада.

Для каждого отдельного памятника были созданы специальные бригады рабочих. В них также входили скульптор, архитектор, техник-строитель. Военные специалисты подсчитали, каким количеством земли и песка следует засыпать тот или иной монумент, чтобы попавшая бомба не смогла повредить его.

На берегу Невы, на скале Гром, высился знаменитый Медный всадник. Как сберечь такой огромный памятник? Хотели было снять статую царя на вздыбленном коне со скалы и опустить на дно Невы. Потом решили укрыть памятник землёй и песком.

Мне довелось видеть, как проводилась эта работа. В основном работали девушки из местной противовоздушной обороны. Вначале засыпали скалу Гром. Теперь казалось, что Медный всадник скачет прямо по земле, среди нас, жителей города на Неве. Необыкновеннейшая картина!

Потребовались тысячи тонн, буквально горы песка, для засыпки монументов. Работали часто под огнём дальнобойных батарей противника. Но надо было спешить: неровен час — угодит шальной снаряд или бомба в памятник.

Вспоминается ноябрь 1941 года. Наступила очень суровая зима. Встали на улицах трамвай и троллейбусы. Из редакции военной газеты я ранним сумеречным утром направился на один из участков фронта. Иду по Невскому, подхожу к Аничкову мосту и останавливаюсь в изумлении: с пьедесталов исчезли знаменитые бронзовые кони! Куда?..

А были они совсем рядом: в саду Дворца пионеров. Ленинградский инженер-мостостроитель Всеволод Всеволодович Макаров рассказывал мне впоследствии:

— Ровно век простояли кони на Аничковом мосту. И вот нам пришлось снять их и «захоронить». Тяжело было, силы у наших рабочих были уже на исходе, люди быстро уставали, а тут ещё обстрелы...

Сняли мы коней. Каждого установили на специальные катки. Тракторы-тягачи отбуксировали их в сад. Лютые морозы сковали землю, стала она крепче брони. А нам четыре траншеи рыть! Упадёшь на землю, переведёшь дух и снова копаешь. Вгрызались в неё ломом, кирками, лопатами. Наконец докопали почти до уровня грунтовых вод. Коней густо смазали тавотом, обернули бумагой, специально промасленными лентами рубероида. Вызвали передвижной подъёмный кран. Статуи поместили ещё в специальные ящики, пустоты в них засыпали песком. Подцепил кран ящики, опустил их в ямы. И оказалось, что целиком-то статуи в землю не вошли: головы коней возвышались над нею. А рыть глубже тоже нельзя — там грунтовые воды. Так и появи-

лись в саду четыре холмика. Весной они превратились в газоны, и мало кто знал, что под ними — гордые головы знаменитых коней.

Три с половиной года спустя, когда советские воины брали штурмом Берлин, в Ленинграде на Невском проспекте происходило волнующее событие. Широко раскрылись массивные ворота. Мощные тягачи вывозили на проспект бронзовых коней. А потом тысячи ленинградцев часами стояли у Аничкова моста, любясь прекрасными скульптурами, снова вставшими на свои пьедесталы.

А вот что произошло с памятником Суворову. Этот монумент по сравнению с другими не столь велик, и его поначалу решили спрятать в подвале близлежащего дома. Но потом передумали. И решили Суворова с пьедестала не снимать. Даже не засыпать его ни песком, ни землёй. Пусть прославленный полководец стоит во весь рост перед проходящими отрядами воинов.

И ни один осколок не попал в памятник. А вот в подвал, куда его собирались укрыть, попала бомба и разворотила всё вокруг.

Рядом с памятником Суворову шумит могучими кронами деревьев Летний сад. На его аллеях много ценнейших скульптур. Их тоже нужно было укрыть. И снова встал вопрос — как? Времени копать ямы для каждой скульптуры не было. Начали рыть глубокие траншеи. Руководил этими работами молодой скульптор Григорий Симонсон. Он забыл обо всём на свете, спал урывками по два-три часа. Все его мысли были устремлены к тому, чтобы успеть «захоронить» сокровища Летнего сада.

Вскоре последняя статуя исчезла под землей. Над траншеями не было никаких холмов или бугров. Наоборот, землю утоптали, чтобы места, где были зарыты мраморные изваяния, ничем не выделялись. В начале осени над «захоронениями» зазеленела трава, окончательно скрывшая последние следы работы по спасению сокровищ Летнего сада.

Зимой скульптор Симонсон умер от голода. А ведь он был единственным человеком, который знал места «захоронений». Но перерывать весь сад в поисках скульптур не пришлось. Умиравший Симонсон составил точный план «кладов» Летнего сада. С скромный хранитель бесценных народных богатств ушёл из жизни, выполнив свой долг до конца.

Но можно вывезти из города ценнейшие картины и рукописи, можно засыпать памятники песком или закопать их в землю... А как же быть с памятниками архитектуры? Ведь многие дворцы, здания нашего города стоят по двести лет и более и красота их не померкла! Как же защитить их от бомб врага?

Высота Исаакиевского собора превышает 100 метров. В солнечную погоду его сверкающий купол виден за 30 километров! А фашистские батареи были ближе. Получалось, что собор — отличная мишень и ориентир.

Как запрятать сооружение, равное по высоте 35-этажному дому? Хорошо бы, конечно, снять его богатый купол... Но для этого нужно время, много рабочих. Ни того, ни другого в осаждённом городе не хватало. И тогда решили надеть на золотую «лысину» Исаакия шапку: покрыть купол серой краской. Краска требовалась стойкая, чтобы никакие дожди не смыли. Учёные разработали специальный состав, купол покрасили. Да так прочно, что, когда пришла пора (после того, как прогнали фашистов) снимать краску, учёным снова пришлось ломать голову над задачей: как же это сделать? Была составлена специальная эмульсия. Серый купол собора не просто поливали этой эмульсией, а направляли её под большим давлением из пожарных брандспойтов. Вот был водопад!

Покрыли краской и другие «вершины» Ленинграда — шпиль собора

Петропавловской крепости, шпиль Инженерного замка. А адмиралтейскую иглу с её знаменитым корабликом одели в «маскировочный халат», сшитый матросами.

Многие думали художники и архитекторы над тем, как скрыть от воздушных фашистских пиратов здание Смольного. Ведь Смольный — это не только прекрасное произведение архитектуры, созданное прославленным зодчим Джакомо Кваренги. Смольный дорог нам как штаб революции, Ленинский штаб Великого Октября. Нет, нельзя допустить, чтобы падали бомбы на Смольный! Надо сделать так, чтобы Смольный «исчез» и никакие, самые зоркие глаза не смогли бы его обнаружить с воздуха. Замаскировать только само здание было недостаточно. Ведь по близлежащим улицам, площадям, по соседним домам гитлеровские лётчики сразу бы догадались: хотя самого Смольного и не видно, но по всем признакам он должен быть где-то здесь, вот в этом квадрате. Значит, маскировка должна изменить весь облик прилегающей территории.

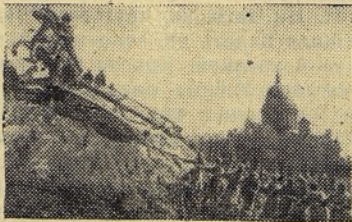
И тогда решили натянуть над всей территорией Смольного гигантскую сеть. И прикрепить к ней всевозможные макеты, большие щиты и ткани, на которых нарисовать деревья, кустарники, пустыри. Под этой сетью должен был «исчезнуть» не только Смольный, но и вся территория от Невы до площади Диктатуры.

Легко решить, а где найти такую колоссальную сеть! И всё-таки нашли! Прежде всего это были гамаки, обнаруженные на складе Дома ленинградской торговли. Быстро освободили сетки от деревяшек и начали соединять друг с другом. Но гамаков оказалось мало. За плетение сети взялись женщины, оставшиеся в городе инвалиды.

Не легко было натянуть такую громадину, но выполнили и эту работу. Лётчики-наблюдатели проверили вид с воздуха: «исчез» Смольный! Вместо него зеленеет какой-то большой парк. Все было сделано хорошо.

Но сменила лето осень. За нею пришла зима. Что же, оставлять среди зимы зеленеющие на сетке деревья? Конечно, нет! Приходилось огромную сеть опускать. И художники снова брались за кисти. «Деревья», «парки» желтели, потом покрывались снегом. Всё было так, как и вокруг. Много труда было затрачено на маскировку Смольного. Зато сколько ни старались гитлеровские пираты, обнаружить его так и не смогли. Смольный остался невредимым.

Четверть века назад завершилась легендарная битва за Ленинград. Не удалось гитлеровцам стереть наш город с лица земли. Где они, эти вояки? Уцелели ли сами? А город наш стоит над Невой и вновь по праву считается одним из красивейших городов мира! Город — памятник своим легендарным защитникам: воинам, рабочим, ополченцам и тем, кто сберёг в труднейшие годы его гордость, его красоту. Прекрасен их подвиг!

Любе Минаевой и ещё
тысячам моим сверстников,
сметённых войной.

К ним привыкли мы как-то
вроде.

Но свистели ещё снаряды,
Разлетались куски металла.

И однажды с тобою рядом...
Ну зачем ты в кино бежала?..

Четверть века осталось сзади.
Только всё это не забыто.
И сейчас тебе в Ленинграде
Вырос памятник из гранита.

Встал,
как будто всегда был
с нами.
Распустился цветком,
как память.
Пусть проносятся дни за
днями —
Никогда ему не завянуть.

Рис. В. Адаева

«ЦВЕТОК ЖИЗНИ»

(К фотографиям на 2—3-й страницах обложки)

ЦВЕТОК распустился в пору, когда первый снежок уже покрывал поле, — в самом конце осени, в преддверии зимы. Вырос он на «Дороге жизни», что ведёт от Ленинграда к Ладоге, между вторым и третьим километрами. Необычный цветок! Каменный!

В Ленинграде много памятников. Один из них стоит в Таврическом саду. На светлом камне чётко высечены строки:

*Мужеству, воле отважных,
Подвигам их беззаветным,
Всем пионерам-героям
Памятник этот воздвигнут
Ленинцев юных руками...*

Десять лет назад в газете «Ленинские искры» часто появлялась строка: «На текущий счёт № 114245 Ленинградской конторы Госбанка...» На этот счёт ленинградская пионерия перечисляла деньги на строительство памятника. Ребята работали на заводах и в колхозах, собирали металлолом и макулатуру и все заработанные деньги — на памятник. Так и вырос он в 1962 году, созданный ребячьим трудом и пионерским поиском. Ведь и тех героев, которым поставлен памятник, тоже многих нашли ребята, красные следопыты: Сашу Кондратьева, Маркса Кротова, Колю Леонтьева, Олега Ольховского...

Минуло ещё шесть лет, и новое поколение пионеров воздвигло новый памятник своим сверстникам: ребятам, погибшим в годы блокады Ленинграда.

Началось всё в тот день, когда к ребятам-пионерстроителям пришли ленинградские архитекторы Павел Иванович Мельников и Александр Данилович Левенков.

Пришли просто посоветоваться и предложить ребятам создать в нашем городе новый памятник.

Предложение ребятам понравилось.

— Назовём памятник «Цветком жизни»! — решили тут же. — И будем строить его своими руками.

Трудно теперь найти в Ленинграде школу, пионеры которой не побывали в посёлке Ковалёво. Там, на высоком берегу реки Луппы, возводился памятник. Строго по графику прибывали сюда строительные отряды (снимок 2). В подсобном домике, на стене которого большими буквами было написано «Пионерстрой», они брали лопаты, носилки и отправлялись на место работы.

В книге почётных строителей памятника есть такая запись: «8 августа 1968 года. Мы, пионеры и октябрята городского пионерского лагеря «Орлёнок» при 147-й школе Калининского района, пришли сегодня на то место, где будет сооружён памятник детям войны. Перед нами была задача — отрыть котлован под фундамент. Котлован вырыли наполовину...»

И это за один только день!

Скоро ребята назвали свою стройку «Пионерской ударной». Они выкапывали бетонные столбы (снимок 3), срывали старые овощехранилища, расположенные на месте будущего памятника, укладывали дёрн по бокам сорокаметровой дорожки, ведущей к памятнику (снимок 4).

Рабочие Экспериментального завода железобетонных изделий тоже решили не отставать от ударной стройки. «Цветок» был готов досрочно. Огромные краны установили его на место (снимок 5).

К сожалению, бетон не так красив, как природный камень. Архитекторы попросили пионеров отбуксировать его. Работа эта трудная: каждый миллиметр поверхности бетона надо было простучать специальным молоточком.

Но раз надо — значит надо! И молотки застучали. Некоторые ребята приезжали на строительство вместе с мамами и папами. Нет, совсем не потому, что родители не отпускали их одних в неблизкую поездку по городу. Была тут другая причина: в годы войны многие папы и мамы сами носили пионерские галстуки, сами плечом к плечу со взрослыми отстаивали Ленинград. Многие из них потеряли друзей — тех ребят, которым воздвигался памятник. Так и получилось, что на строительстве Эдгар Рихардович Прокофьев трудился вместе с дочкой (снимок 6).

Александре Николаевне Коновой (снимок 7) было чуть больше десяти лет, когда её наградили медалью «За оборону Ленинграда». Разве могла она не прийти на строительство памятника?

5 октября в Ковалёво пришли бывшие воспитанники детских домов военных лет. 12 октября здесь встретились пионеры 1941—1945 годов. Был среди них и Виктор Леонидович Киселёв (снимок 8). В 1941 году в канун праздника Великого Октября лётчик А. Т. Севастьянов протаранил фашистский самолёт. Гитлеровский ас выпрыгнул с парашютом и приземлился как раз на крышу дома, где жил пионер Виктор Киселёв, попал прямо в руки мальчишек. Ну, а они уж его не выпустили! Отвели куда следует.

И вот уже встал во весь свой 15-метровый рост цветок (снимок 9). Развернул лепестки. И все прочитали на них такие знакомые, добрые слова: «Пусть всегда будет солнце!»

Около пяти тысяч школьников Ленинграда и области работали над созданием памятника. В канун юбилея Ленинского комсомола он был готов.

Конечно, на дорожке, ведущей к памятнику, будут розы. За цветком протянется аллея: дубы, ольха, берёза... Так мечтают пионеры.

А пока пионерский штаб Калининского района объявил операцию «Поиск». Решили ребята построить возле «Цветка жизни» павильон и поместить туда найденные материалы о детях, погибших в блокаду. Включайся в поиск и ты, юный ленинградец!

В. ГААЗЕ

С ВОЛОДЕЙ ШАЛИТОМ мы знакомы уже шесть лет. Я помню его ещё пятиклассником, когда он впервые пришёл в наш литературный клуб со своими стихами. Обыкновенно, первый раз в жизни переступая порог редакции, юные поэты ведут себя очень робко, я бы даже сказал, чересчур стеснительно. Но пятиклассник Шалит был не робкого десятка.

— Я пишу стихи, я должен у вас заниматься, — сказал он тоном, не терпящим возражения.

И хотя был уже декабрь месяц, а занятия в клубе начинаются с сентября, мы попросили Володю почитать стихи. Стихи нам понравились, и мы сказали:

— Ну что ж... в добрый путь, Володя!

Три года назад написал Шалит «Балладу о монументах». А в сентябре этого года из Германской Демократической Республики на имя В. Шалыта пришло очень интересное письмо.

«Мы получили твоё стихотворение через нашего друга Ф. Штуде, Генерального консула ГДР в Ленинграде. От имени председателя секретариата Общества германо-советской дружбы передаём тебе сердечную благодарность. Символы, которые ты положил в основу своего стихотворения, выражают нашу неколебимую дружбу. Мы позаботимся, чтобы в период подготовки празднования 20-летия ГДР через прессу и радио сообщить стихотворение миллионам людей...»

В день, когда пришло это письмо, Володи в Ленинграде не было. С 1 сентября он стал студентом Литературного института имени А. М. Горького.

В добрый путь, Володя!

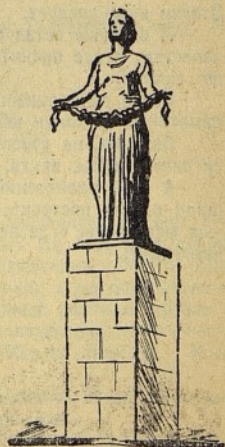
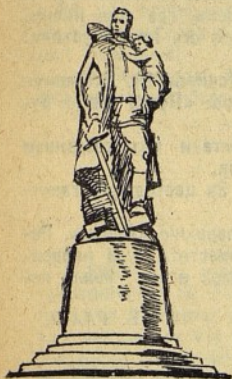
В. ВЕРХОВСКИЙ,

руководитель клуба юных поэтов при газете «Ленинские искры»

В. ШАЛИТ

Баллада о монументах

У ворот Бранденбургских
Тишина, тишина.
Многих юношей русских
Не дождалась весна.
Над деревьями галки,
Над Берлином покой,
И стоит в Трептов-парке
Всем известный герой.
И суровость во взгляде,
И заботы печать.
Сильно ждёт в Ленинграде
Парня этого мать.
Сердцем ждёт его добрым,
Но в величье молчит.
Мать на кладбище скорбном
Монументом стоит,
Против страха и смерти
На бессонном посту...
Пусть берлинские дети,
Пусть все дети растут.
Пусть сменяют закаты
За восходом восход,
Мать всё смотрит на запад,
Сын глядит на восток.

Ш Е К С П И Р

Золотая корона увенчана камнем бесценным,
Золотою короной увенчан английский король...
Он посажен на трон,
Трон приподнят над зрительной сценой.
Исполняется роль!

Исполняется роль!

Исполняется роль!

Три горниста выходят, и звуки мелодии древней,
Древних пиришеств, турниров, застольных речей
Заполняют наш разум, бегут по сплетениям

нервов,

Будто в Лондоне песню поёт легион палачей!
...И величье такое, и жестокость ушедшего века,
И события далёких столетий и дней
Восхищают сидящего в зале, пленят человека...
Нету выше теперь этой сцены и трона над ней!
Пусть на сцене король развлекается
Варварским пиром...

Кубок держит в руках,
Словно схваченный ужасом мир!
Но над сценой,

Над троном могучим,

Над миром —

Существует сейчас
Только Вильям ШЕКСПИР!

П У Г А Ч Ё В

Его везут... Его встречает
Москва, как знатного посла.
Колокола рукоплещают,
Не люди — а колокола.
Толпа шумит, как дуб листьями,
О самозванце говорит.
Прямолинейными рядами
Конвой торжественный стоит.
Москва глядит глазами окон —
Венецианских и простых.
Коней гусарских слышит топот
На деревянных мостовых.

Но вот глашатай влез на плаху
И слово царское сказал,
И с бунтаря срывать рубаху
Палач широкоплечий стал.
И всё на площади смешалось,
Толпа колышется травой,
И Пугачёву показалось,
Что снова он в степи родной.
Но степь казацкая далеке,
Взгляд палача неотразим...
Всё было так. Но был он вечен —
Дух правдолюбцев на Руси.

ПРЕДКИ

Горит звезда на небе синем.
Рукой натянут повод сильно.
Кричат кусты:

— Тебя мы скинем,
Из ночи скачущий посыльный! —
Посыльный конь —

и век двадцатый...
Здесь нету общего ни доли.
Вот всадник поднял флаг

крылатый,
Вот он галопом скачет в поле...
Когда заря придёт и светом
Коснётся берега речного,
Увижу, что не витязь это,
А просто мальчик из ночного.

Он привязал на шест рубашку.
В нём новь и былъ живут
друг с другом.

Его прапрадед шёл на вспашку,
Широкий меч держа за плугом.
И в сердце искры не потухли,
Пройдя сквозь кровь

и испытанья,
Передаётся сила духа
Через века и расстоянья.
На кромке берега речного,
В большой костёр бросая ветки,
Сидят ребята из ночного —
Мои ровесники и предки.

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

...Слева рыцари,
Справа витязи,
Злые лица их,
Как на привязи.
Но палата спит оружейная,
Всё давно стоит без движения.

...Слева недруги.
Справа Родина.
Шлемы медные
Тонут в золоте!
Но застыли на месте рыцари,
Да и витязи что-то вспомнили...

Участь витязя незавидная,
Положение его обидное:
За стеклом стоять в крепком
панцире,
Не вступая в бой
с иностранцами!

...Слева рыцари,
Справа витязи...
Латы прошлого...
шлемы прошлого...
Злые лица их, как на привязи.
Отвяжи — и начнётся крошево!

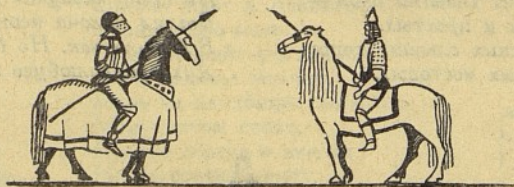

Рис. П. Вискова

В КАЖДОЙ книжке есть свои герои. В тридцать одной книжке Николая Ивановича Сладкова героев тоже полным-полно: жуков, пауков, бабочек, гусениц, птиц, зайцев, лисиц, волков — всех и не перечислишь!.. Главный герой этих книжек — природа. Шумят на страницах книжек леса, перешёптываются степные травы, раскрывают тайны скалистые горы, полны своей особой жизни реки, озёра, моря.

Конечно, чтобы обо всём этом написать, нужно прежде самому всё узнать, увидеть, самому побродить, поплавать, поездить. Если бы взять карту нашей Родины и прочертить на ней маршруты путешествий писателя, как бы переплелись, перепутались линии, протянулись на север, на запад, на юг и восток! Только представьте себе: Кавказ, Урал, Прииртышье, Обь, Енисей, Ладога, Балхаш, Байкал, Азовское, Чёрное, Белое, Каспийское, Аральское, Баренцево моря, Новая Земля, Тянь-Шань, Памир, Муганские степи...

Из каждой поездки привозит он материалы для новых и новых книг. И они спешат к юным читателям одна за другой: «Подводная газета», «Вести из леса», «Смелый фотоохотник», «Планета чудес», «Под шапкой-невидимкой».

Все книги о природе. И дело тут не только в том, что писатель крепко, по-настоящему любит её. Подумайте сами: а разве человек не обязан своим существованием той же природе? Разве для того, чтобы разобраться в самом себе, не следует побольше узнать о жизни других живых существ? Изучая природу, человек познаёт и самого себя. И если он по-настоящему Человек, он никому не даст в обиду обитателей лесов и полей, озёр и рек, деревья и травы — смело встанет на их защиту.

За это-то доброе, честное отношение к природе и любят ребята книги Н. И. Сладкова. На многих языках читают их: на болгарском, польском, чешском, венгерском, румынском, финском, французском, немецком, английском.

Трудно рассказать обо всём в маленькой заметке. Главное, не забыть бы о самом главном: в прошлом году Николай Иванович побывал в пустынях. В сыпучих, выжженных солнцем песках, о которых обычно говорят, что там нет ничего живого. Но это не так. Прочитайте рассказы Николая Ивановича Сладкова — сами убедитесь.

Н. СЛАДКОВ

Рисунки А. Курушина

П УСТЫНЯ — как океан: та же необъятность и грандиозность. Синяя необъятность океана и жёлтая безграничность пустыни. Те же гигантские волны-барханы. Та же на них ветровая рябь. Такие же страшные движутся смерчи.

Ветры хлещут песчинками-брызгами. Птицы торопятся пересечь это жёлтое море, как торопятся они пересечь и море синее. И, бывает, так же гибнут в жёлтых волнах, как гибнут и в голубых. Только в волнах пустыни они не тонут, а засыхают...

Мой рассказ о встречах с жителями этого песчаного океана — птицами, зверьками, насекомыми. С живущими на песке...

ТАИНСТВЕННЫЕ БУГОРКИ

СТРАННЫЕ бугорки попадают под ноги в сыпучих песках. Будто кто-то разложил на барханах куриные яйца и присыпал сверху песком.

Я пнул ногой такой бугорок, а под ним не яйцо, а гриб! Растёт и круглой шляпкой вспучивает песок. Всех в заблуждение вводит.

БЬЮТ ЧЕЛОМ

ЗАГАДОЧНАЯ у жуков-чернотелок повадка: каждому встречному отвешивают глубокий поклон. Как увидят кого, так сейчас же в песок лбом, толстый зад вверх. По получасу, бывает, не поднимаются — даже не шевельнутся!

Птицы-майны недолюбливают чернотелок: то ли они невкусные, то ли уж очень жёсткие. И, когда охотятся в песках на жуков, непременно встречную чернотелку из озорства то ущипнут, то пихнут, то тюкнут. А та сейчас же и майне земной поклон.

И вот тянется майнин след, а на нём, словно чёрные бусы на нитке, чернотелки стоят, сами себя поставили на «попа». Майны давно из песков улетели в посёлок, а чернотелки всё стоят, всё кланяются и кланяются.

ЧЁРНАЯ БАБОЧКА

МАЛЕНЬКАЯ бархатно-чёрная бабочка порхает над жёлтым барханом. Я слежу за ней и всё время путаюсь, где сама бабочка, а где её чёрная тень. Так и кажется, что две одинаковых бабочки, как привязанные, носятся над песком. Не потому ли эти тёмные бабочки так смело залетают в барханы: там у одних их врагов глаза разбегаются, а у других в глазах двоится!

СЧАСТЛИВАЯ ПАЛКА

КТО-ТО воткнул в песок палку — ошастливил каменку-плясуна! До этой палки была ему жизнь не в жизнь. Всё вокруг плоско — ни камешка, ни бугорка, ни кустика. Ни себя показать, ни на других с высоты посмотреть. Да и песня с земли всего на три шага слышна.

И вдруг привалило счастье: палку в землю воткнули! Всё теперь совсем по-другому, жизнь теперь веселей.

И солнце плясун встречает на палке чуть раньше, чем на земле, а провожает — чуть позже. Поёт и приплясывает от зари до зари. Даже в огненный полдень поёт: ведь наверху, на ветерке не так жарко. Издали замечает нахального суслика, который так и норовит в его норку забраться. С лёту повисает над сусличьей головой, жужжа крылышками, как оса. А если это не помогает, садится на сусличий горб и мчитсЯ верхом, долбя носом в затылок и теребя нахала за уши. Надрав суслику уши, он снова усаживается на палку, поёт победную песню и отплясывает победный танец.

И все любятсЯ победителем издалека.

КУМУШКИ

КАЖДЫЙ вечер семейка майн рассаживается над нашей палаткой и начинает громко разбирать нас по косточкам. Они ехидно хихикают, когда кто-нибудь вскрикивает, обжёгшись чаем, довольно повизгивают, когда со звоном роняем нож или ложку, шепчутся и шушукаются, когда мы начинаем снимать рубахи, изумлённо свистят, когда мы умываемся. А когда, к их огорчению, мы, наконец, залезаем в спальные мешки и умолкаем, майны со скуки начинают передразнивать нашу собачонку, крики соседского петуха и блеяние барашка.

НЕПЬЮЩИЕ

В САМОЕ пекло дежурили у единственного родника — составляли список «непьющих». За два месяца жары ни разу не видели у воды саксаульную сойку, дятла, синицу, вертлявую славку. Ни разу не прибежал к роднику заяц, песчанка, ёжик и тонкопалый суслик. Не приползали эфа, варан, агама и круглоголовка. Может, они и всю жизнь не пьют? Может, и пить-то совсем не умеют? Может, и воды не видели?

ЗАЙЦЫ-САДОВНИКИ

ЗАЙЦЫ-ПЕСЧАНИКИ работают не покладая лап. На барханах копают лунки. Сотни лунок — вдоль и поперёк склона. Задумали зайцы пустыню озеленить, готовят копанки для саженцев и цветов.

Я уж было и впрямь поверил в удивительных зайцев-садовников, но вдруг увидел в каждой лунке огрызки.

Оказалось, зайцы выкапывали из песка себе на обед сочные луковички тюльпанов! Не цветоводы они, а цветоеды.

ЯЩЕРИЧНЫЙ ГРАД

ПО МРАЧНОМУ синему горизонту, задрав голову в облака, медленно полз, покачиваясь и изгибаясь, чёрный змей-смерч. Вот он просунул голову в щель между синими тучами, не спеша втянулся в облачную щель, как в нору, виляя над пустыней повисшим хвостом.

А через час с неба дождём посыпался песок, и, как градины, стали шлёпаться маленькие ящерицы-круглоголовки. Задремавшего было пастуха кто-то неожиданно вытянул кнутом по спине. Он спросонок вскочил, заругался — думал, друзья дурачатся, а это песчаный удав ему с неба на спину свалился!

ХОМЯК РАБОТАЕТ ГОЛОВОЙ

ПОВЕЗЛО хомяку — нашёл гнездо дрофы-красотки! Лежат два большущих яйца, как два бочонка с мёдом. Только вот лапами не обхватить — выскальзывают. И за щеку не затолкать — рот разорвёшь. А бросать нельзя — жалко.

Возился хомяк, возился, сопел, пыхтел. А потом упёрся лбом в яйцо — и покатило! Раз дело не по зубам — головой надо работать. Так и укатил оба яйца в нору.

В СТЕПЬ ПО... ГРИБЫ!

ВЕЗДЕ по грибы в лес ходят, тут — в степь голую. У нас к грибам ведут тихие лесные тропинки, а тут — широкие степные дороги. Тропинки наши натоптаны, дороги степные — накатаны. Наш грибник в одиночку пешком шагает, степной грибник — компанией на машине едет.

Пахнет в степи не листьями вялыми — горькой полынью. Вспугиваешь не рябчиков, а бульдуруков. Не заяц за кустами проскачет, а проползёт в камнях черепаха. А с дороги свернёшь — не в болотце оступишься, а в прорытую песчанками нору.

Идёшь — не под ноги смотришь, а по сторонам. И не осенний дятел над тобою стучит, а жаворонки весенние заливаются. Потому что грибы в степи — степные грузди — не осенью собирают, как у нас, а... весной.

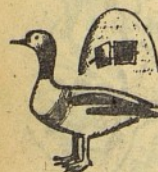
ЗМЕИ НА РЕЛЬСАХ

(Рассказ обходчика)

ИДЁШЬ ночью в обход и побаиваешься. Пески ночью остывают, и змеи сползаются из пустыни к насыпи, греются на тёплых рельсах. Хожу с сильным фонарём, чтоб не наступить на какую-нибудь.

Больше всего они любят класть на тёплые рельсы свои головы. Понятное дело, если я пройду — только всех распугаю, а вот если впереди меня поезд пройдёт или дрезина пробежит — тут уж змеям достанется. Сколько потом приходится мёртвых с насыпи сбрасывать!

УТКА В ПЕЧКЕ

УТКА-ПЕГАНКА, обитательница солёных озёр, любит гнездиться в обрывистых берегах. А где в пустыне найдёшь обрывы и норы? Вот ещё забота на её утиную голову! Облюбовала пеганка брошенное зимовье — старые сарайчики из сухой глины. Долго бродила вразвалку из сарая в сарай, тихо покрывала — поругивалась, совала свой красный нос во все щели. И, наконец, поселилась в... печке!

ЗЕМЛЯНОЙ СЫЧ

РАСКАПЫВАЛИ ребята нору песчанки. Хотели узнать: куда песчанки прячут сено? Какой такой у них сеновал? Разрыли до тупичка-сеновала, а там сыч! Вжался в угол, клювом кривым щёлкает и таращит свои круглые, как два жёлтых лимона, глаза. Пугает, хоть и всего-то одна голова да лапы! Станный какой-то: на спине и голове вместо перьев колючки, словно у дикобраза.

Пока все ахали, разглядывая сыча, он опомнился, косолапо побежал, и нырк в соседнюю нору! Подземный какой-то... Гнездо под землёй, охотится под землёй. Потому на спине и иглы. Перья до белых стержней о стенки потёрлись.

Вот никогда наперёд не знаешь, что может случиться: искали песчанкин сеновал, нашли сыча-дикобраза!

ГЕККОН СТРОИТ БАНЮ

ЧУТЬ ПРИПЕЧЁТ весеннее солнце — все торопятся согреть окоченевшее тело. Вылезают из щелей насекомыши, выползают из норок ящерицы. Кто рассаживается, кто распластывается на песке — и все дремлют.

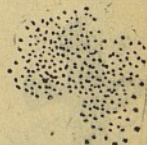
Сцинковый геккон тоже окоченел, ему тоже хочется на солнце погреться, да никак нельзя: кожа у него очень уж нежная, сейчас же от солнца пересохнет и сморщится. Из-за своей нежной кожи он летом и дня не видит: по ночам только из норки выходит. А на день зарывается глубоко в приятный мокрый песок.

Сейчас весь песок мокрый, но совсем не приятный — холодный. И получается для геккона безвыходное положение: вылезешь на солнце — засохнешь, не вылезешь — зачоченеешь.

Безвыходное так безвыходное! И роет геккон особую норку — без выхода. Под тоненьким песчаным потолком устраивает лежанку. Сверху сквозь тонкий потолок солнце уже не жжёт, а приятно греет, снизу из норы не холодом тянет, а приятной сыростью. Прямо, как в бане на третьей полке: жарко, и парком поддаёт!

РОТ С УШАМИ

НА ГРЕБНЕ бархана, вытянувшись на кривых ножках, стоит головатая ящерица. Хвост скручен кренделем, как у дворняжки. Вот она увидела меня и завияляла хвостом по-собачьи. Я подумал, что она мне обрадовалась, подошёл поближе, но она снова стала сердито хвост скручивать и раскручивать. Но я не испугался, и тогда она вдруг прыгнула мне навстречу, фыркнула и так разинула рот — того и гляди сейчас зальётся сердитым собачьим лаем и твяканьем! Ну и рот — не до ушей, а... с ушами! В углах красной пасти растопыренные красные уши! Я так и попятился: рот с ушами — кому жутко не станет!

ЖИВОЙ ФОНТАН

ИЗ ЩЕЛИ дряхлого домика вдруг забил тёмный фонтан! Мириады летучих термитов ринулись вверх и затолклись столбом выше крыши и дерева. Шорох и блеск их слюдяных крылышек словно плеск и сверкающие струи.

Первыми опомнились от удивления майны: они нырнули в живой фонтан, трепеща пёстрыми крылышками и щёлкая клювами. За майнами слетелись воробьи, сбежались куры и даже вкрадчиво пришла кошка.

МУСОРЩИЦЫ

МАЙНЫ в кишлаке собирают утиль. Настоящие мусорщицы — только мешка не хватает! Тащат в гнёзда клоки войлока, пучки ниток, лоскуты тряпок. Вату, сено, окурки. Обрывки газет, ленточки целлофана, папиросные пачки, выброшенные конверты. На овцах и верблюдах щиплют линяющую шерсть. Даже набрасываются на кур и вырывают у них перья!

БЛАГОРОДНАЯ ЗМЕЯ

КОБРА не укусит исподтишка. Если идёшь и не видишь её, она сама о себе предупредит: вскинет чёрную голову над землёй, «встанет на хвост», как говорят змееловы. Засверкает круглыми птичьими глазами, развернёт чешуйчатый капюшон, зашипит и зафыркает, как сердитая кошка. «Видишь — я здесь! Лучшее ухаживание!»

За такое предупреждение ловцы змей называют кобру благородной змеей.

СВИРЕПАЯ ЖУЖЕЛИЦА

ЖУЖЕЛИЦА гналась за чернотелкой. Неуклюжая чернотелка ковыляла во всю свою прыть. А жужелица, как привязанная, ни на шаг не отставая, бежала за ней, выставив хищную челюсть, словно крабью зазубренную клешню. Чувя смерть за спиной, чернотелка в страхе скрипела: «джии», «джии»! Страшно и жутко было слышать «крики» жука.

Жужелица-скарита никого не боится. Тронь пальцем — щипнёт, посади в банку с другими жуками — оставит от них ножки да рожки. Брось на песок — она не кинется удирать, а бросится прямо в ноги! И будет гнаться, куда бы ты от неё ни попятился.

Но это уже не от свирепости, это... от страха. Жужелица боится солнца. Жужелица ищет тень. Ночной хищник спешит спрятаться в темноту. А самая ближняя тень для неё — твоя.

ГЛОТОК ТУМАНА

СЫРОЙ ТУМАН наплыл на саксаулы. Сучки и ветки покрылись сизым налётом — как холодное стекло от дыхания. Потом налёт обособился бисеринками. Бисеринки взбухают, коснувшись друг друга, сливаются, как капельки ртути, и вот уже скользят по сучкам серебристые змейки, глотая на ходу новые капли и раздуваясь.

На всех сучках висят блистающие созвездия. У носа агамы повисла звезда с горошину. В ней мир вверх ногами: небо внизу, пески сверху. Агама долго смотрела на дрожащую от страха каплю, потом раскрыла сухие губы, и проглотила перевёрнутый мир.

ЯЩУРКИН НОС

ЧУТЬИСТАЯ сотчатая ящурка не по ветру нос держит, а то и дело суёт в песок. Ползает не спеша и всё время тычется в песок носом. Два-три шажка, и уткнётся, ещё пять-шесть шажков, и опять носом в песок. И вдруг начинает копать. Зароется по самые плечи и вытащит из песка гусеницу. Встряхнет её хорошенько, проглотит, оближется — и опять ползёт и вынюхивает. Прямо как охотничья собака!

Ни разу не видел, чтобы она напрасно копала. Вот нос так нос — сквозь землю чувствует!

В ДЕРЕВНЕ ПЕСЧАНОК

В ДЕРЕВНЕ песчанок переполох: человек идёт! На меня глазют со всех сторон. Из тёмных норок-окошек, из тёмных норок-дверей. Иные вытянулись на цыпочках, в отчаянье сцепили в кулачки розовые пальчики и прижали кулачки к груди. А кто просто с любопытством целит блестящие глаза, поворачивая за мной усатую мордочку и старательно почёсывая пятернёй под мышкой. Даже рот открыт от страха и удивления. И все пересвистываются, словно переговариваются. И у каждой хвостик торчком — как акварельная кисточка.

Один суслик — их сосед — невозмутим и равнодушен. Он возвышается на бугорке посредине деревни как монумент. Толстые щёки его самодовольно лежат на круглых плечах, жирные лапки благочестиво сложены на животе. И косые глаза его смотрят куда-то вдаль.

СЪЕДЕННЫЙ СТОЛБ

ТЕРМИТЫ съели телеграфный столб! Обмазали его снизу доверху глиной, словно куриную ножку горчицей, и, укрывшись в любимой своей темноте под глиняной коркой, принялись за еду. И остались от столба рожки — белые косточки-изоляторы, да ножки — подпорки просмоленные.

А по соседству другие термиты съели... узкоколейку! Как и столб, залепили все шпалы глиной и источили их в порошок. Рельсы осели на землю, костыли повывалились. Хорошо ещё, что поезда по ней уже не ходили.

ПРОКЛИНАЮЩАЯ СОЛНЦЕ

В САМОЕ ЗЛОЕ ПЕКЛО вползает агама на вершину сухого куста и задирает голову в небо. Из-под тяжёлых чешуйчатых век недобро поблёскивают глаза: они смотрят прямо на солнце.

«Беспощадный огонь — ты губишь в пустыне жизнь. Ты сжигаешь зелёный росток и обращаешь в прах цветы. Ты от кустов и деревьев оставляешь одни скелеты. Последние капли воды ты превращаешь в пар. Коробится и стонет опалённая жаром земля. С криком отчаяния раскалываются камни».

Так думают про агаму туркмены — жители жаркой пустыни. И называют её — проклинающая солнце.

ЖАРЕНАЯ САРАНЧА

ЛЕТЕЛА туча голодной саранчи — даже солнце померкло. И по жёлтым пескам ползла зловещая тень. Но не долетела прожорливая саранча до зелёных полей и садов: опустилась в голой жаркой пустыне. Ни прутика, ни стебелька: один бурый горячий щебень, пышущий жаром, словно плита. Чугунная плита, раскалённая докрасна.

Саранчуки запрыгали, засуuetились. Попытались взлететь, но крылья у них от жары завяли, лапки скрючились и усы обвисли. Распластались саранчуки на камнях и... спеклись! Целое поле жареной саранчи! На пир со всех сторон слетаются птицы и сбегаются звери.

ВСЕМ ПО КАПЕЛЬКЕ

КТО САМ ПЬЁТ — знает, где воду искать. А авдоткины малыши пока не знают. Ждут, когда родители им воды принесут. А солнце не ждёт: и печёт, и жжёт, и накаляет. Вот увидели малыши меня и... со всех ног навстречу! В тени у ног встали, задрали головы и разинули розовые ротки — дайте скорее пить! Пришлось достать флягу, намочить палец и капнуть всем в рот по капельке.

САЙГАЧЬИ ДОЖДИ

СТОИТ ТОЛЬКО повиснуть над краем степи седым космам дождя и обрушиться на иссохшую землю ливню — откуда ни возмись, появятся и сайгаки! Словно они вместе с дождём с неба падают. Охотники называют такие дожди «сайгачьими дождями». Говорят, что будто бы сайгаки специально выслеживают дожди: в степи им далеко видно. Как увидят космы над горизонтом — так бегом к горизонту на водопой. Что для их ураганных ног какая-то сотня километров? Только ливень на землю, и они уже тут как тут! Бегают от лужи к луже, опустив горбоносые головы, жадно сосут мутную воду. Чмокают мягкие губы, вода булькает в высохших глотках. А чёрные выпуклые глаза снова высматривают, не тянутся ли где по горизонту новые космы, не идут ли ещё где сайгачьи дожди?

Волков ноги кормят, а сайгаков — поят.

ПОД ВОРОНЫМ ЗОНТОМ

КОГДА ВОРОНЫ гнездо строили, воробьи сидели, сложа крылышки. Вороны строить кончили — воробьи за дело взялись. Под самым гнездом, как под огромным зонтом, строили свои гнёздышки. Пусть жара, пусть пекло, пусть буйствует солнце: под вороньим зонтом у них тень и прохлада.

И ЖУК — МЯСО!

ВСЕ ТОРОПЯТСЯ запастись. Сорокопут летом вялил на солнце жуков и ящериц, натыкая их на колючки. Большая песчанка запасла в норе сено, а краснохвостая — зерно. Корсак ещё весной зарыл в песок птичьи яйца. Ёж жирку на боках запас, толстохвостый тушканчик жирок отложил... в хвосте. У верблюда на спине два горба — словно два рюкзака с салом. Сыч в дупло, как в холодильник, уложил дюжину воробьёв, полдюжины мышей, пяток скворцов, парочку жаворонков и кузнечика. А саксаульная сойка насовала в ямки и щели жуков и зёрен: зимой и зёрнышку будешь рад, зимой и жук — мясо!

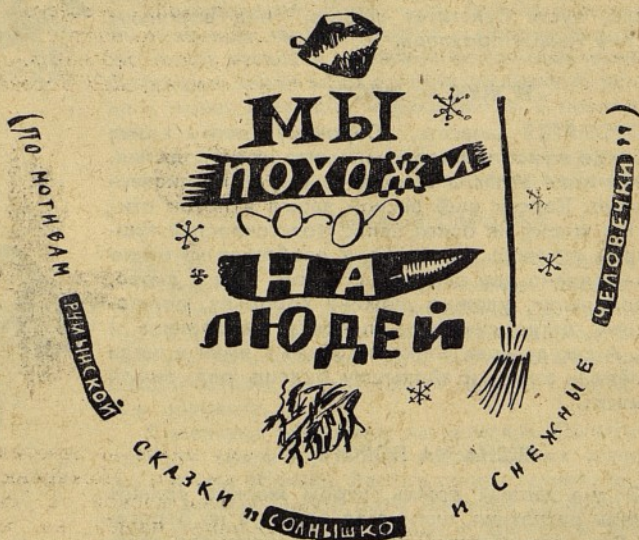

ВЕСНА НА ПОРОГЕ

НОЧЬЮ лил тёплый дождь, утром жаркое солнце. Я дверь распахнул, шагнул за порог, а на пороге — весна! Весь глинобитный порожек заворсился зелёной травой!

Сколько прошлой осенью приходило людей сюда, сколько нанесли они на сапогах и втоптали в порожек разных семян! И вот солнце пригрело и семена проросли. На пороге — весна.

ПЕРВА я хотел сделать одного снеговика, а потом решил: лучше сделаю их сразу пять! Ведь пятерым снеговикам будет впятеро веселее, чем одному!

Снеговики обязательно должны быть красноносими и черноглазыми. Поэтому рядом, на скамейке, лежали пять красных морковок и десять чёрных угольков — будущие носы и глаза моих будущих снеговиков.

Я работал и пел такую песенку:

*Достал я пять морковок
И десять угольков
И сделал пять толковых,
Больших снеговиков...*

Дальше песенка не получалась. И, если честно, не все снеговики вышли большими. Один был совсем малыш, снежный мальчишка. Самому большому снеговiku я дал в руки метлу на длинной пал-

ке и назначил его дворником. Ну, а остальные? Кем они будут?

Но тут на крыльцо вышла бабушка Флора и сказала:

— Довольно, внучек. Иди ужинать. Всё равно — припечёт Солнце и растают твои снеговики!

Я пошёл домой. А тем временем на дворе стемнело и меня (вот всегда так!) уложили спать. И только пёс Криш, который ночует в конуре, да ворона Сорина, которая спит когда хочет и летает куда хочет, видели, что было с снеговиками ночью.

В эту ночь было очень холодно. Криш забрался в конуру и поглубже зарылся в сено. Ворона на своей берёзе прятала голову то под левое крыло, то под правое и никак не могла решить, которое из них теплее. А снеговики... Ну конечно — они взяли да и ожили, потому что даже им стало холодно и захотелось немного поразматься...

Ровно в полночь во дворе вдруг раздались голоса:

*Такой мороз, такой мороз
Сегодня во дворе,
Что даже закалённый пёс
Трясётся в конуре!*

— Это про меня! — удивлённо сказал Криш и высунул голову из конуры. Снеговики сошли со своих мест.

— Слушайте, а ведь это несправедливо, — сказал вдруг один снеговик. — Мы все похожи на людей. А работа есть только у одного Дворника!

Действительно, метла в руках у Дворника (самого большого снеговика) так и ходила туда-сюда.

— Не успел ожить, — ворчал он, — а уже работы неупроворот! Снегу-то сколько!

— Еще жалуется! — сказал самый маленький снеговик. — Знаете что? Давайте тоже поищем себе какое-нибудь занятие! А то одной метлы на всех — маловато!

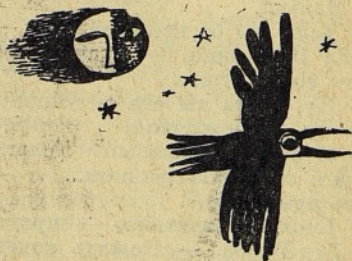
— Верно! — закричали снеговики. — Маленький, а сообразил! Молодец!

И снеговики разбрелись по двору. Один из них подобрал старую кастрюлю, примерил и очень обрадовался:

*Из кастрюли суповой
Получилась каска!
Я — Пожарник боевой!
Ведь на то и сказка...*

Другой нашёл где-то клочок пакли и сделал из неё себе бороду. «Да я — настоящий Дед-Мороз», — подумал он, важно огладил бороду и пробасил:

*Вы подумайте серьёзно
И ответьте на вопрос:
Почему мне дед-морозно,
Если сам я — Дед-Мороз?!*

Но ему никто не ответил. Дворник подметал. Пожарник любовался своей каской, а снежный мальчишка нашёл на крыльце мой сачок и теперь вприпрыжку бегал по двору и ловил сачком снежинки.

И только один снеговик неподвижно стоял в сторонке. Он надел старую оправу от дедушких очков и помалкивал — серьёзный, озабоченный, мудрец, да и только!

— Мудрец, а Мудрец! Ты о чём задумался? — весело крикнул ему Малыш.

— Задумаешься тут, — сказал Мудрец, поправив очки. — Бабушка того мальчика, который нас вылепил, сказала, что нам недолго жить. Припечёт Солнце — и мы растаем, превратимся в воду!

— Ещё чего! — вмешался Дворник. — Как же я тогда подметать буду?

— А что такое Солнце? — спросил Малыш.

— Если мы от него растаем, — сказал Пожарник, — значит, это что-то вроде огня...

— Ну, тогда ты его потушишь. Ведь ты — Пожарник!

— Я ещё неопытный. Только сегодня стал Пожарником...

Все приуныли.

— Неохота таять-то, — протянул Дед-Мороз. — Пожить хочется...

— Вот что, ребята! — сказал вдруг Пожарник решительно. — Давайте сходим к этому, как его, Солнцу, и попросим, чтобы оно сюда не приходило.

— Правильно! — крикнул Дворник. — Только где оно проживает?

— Поищем — и найдём!

И снеговики, выстроившись цепочкой по росту, пошли к воротам. Тогда ворона Сорина (она была страшно любопытная) сорвалась с берёзы, часто-часто замахала крыльями и полетела вдогонку — посмотреть, что будет дальше. А снеговики быстро шагали через поле к лесу и напевали весёлую походную песенку:

*Светит круглая луна.
Дремлют ёлка и сосна.
Снег сверкает серебром.
Мы шагаем впятером!
Мы дружные, мы смелые,
Шагаем мы лесами!
Мы снежные, мы белые,
С морковными носами!*

В лесу было пустынно и таинственно. Снег недовольно поскрипывал под ногами путников. Ворона Сорина неслышно летела над отрядом.

Внезапно откуда-то из чащи слышался резкий стук. Снеговики пошли в ту сторону и скоро набрали на высокую ёлку. Снег под ней был усыпан кусочками коры и чешуйками от шишек. А вверху на ветке сидел и изо всех сил колотил по стволу кто-то небольшой и пёстрый, в красной шапочке. Эта шапочка так и сверкала под луной.

— Огонь, — в тревоге шепнул Пожарник. — Наверно, это Солнце!

— Нет, — солидно сказал Мудрец. — Если я не ошибаюсь, это птица.

— Если птица, то очень неаккуратная, — проворчал Дворник. — Ишь как намуссорила под ёлкой!

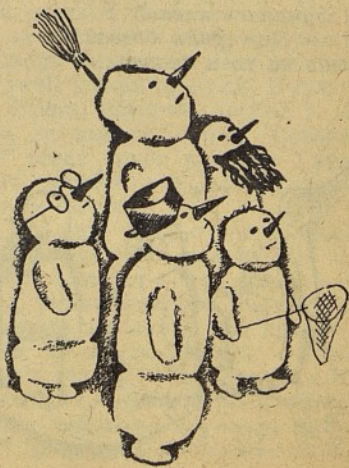
И он заработал метлой. А Мудрец поправил очки и сказал:

— Удивительная птица! Разрешите обратиться! Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

— Рад познакомиться с людьми, — ответила птица.

*Я — мастер Дятел. Я всегда
В заботах и в работе.
А вы куда? А вы куда?
А вы куда идёте?*

— Мы не совсем люди, — сказал Мудрец, очень довольный. —

Мы снеговики. Но нам весьма приятно, что ты принял нас за людей. А идём мы к Солнцу.

— Правда? Тогда вот что:

*Передайте Солнышку,
Чтобы поскорей
Приходило Солнышко
К нам из-за морей!*

— Разве ты не боишься Солнца? — удивился Пожарник.

— Что вы! Конечно — нет! Вот мороза я боюсь!

*Все букашки и жуки
Спрятались от стужи.
Мне, друзья-снеговики,
С каждым днём всё хуже!*

Если завтра утром Солнышко не вернётся, я умру с голоду. Или замёрзну! В моём дупле поселилась злая Куница. Мне даже ночевать негде!

— А мы правда похожи на людей? — робко спросил Малыш.

— Как две капли воды!

— Тогда держи! Это тебе вместо гнезда! — и Малыш протянул Дятлу свой сачок.

Секунда — и сачок был прикреплён к большой еловой ветке.

— Отличное гнездо! — радостно крикнул Дятел. — Только чем бы мне его утеплить?

Дятел с завистью взглянул на пышную бороду Деда-Мороза.

— Ну что ж, — вздохнул тот, снимая бороду. — Вот тебе пакля. Дарю!

— Спасибо, спасибо, Дед-Мороз!

Дятел схватил клювом бывшую дед-морозову бороду и принялся утеплять сачок.

Снеговики двинулись дальше, напевая свою песенку. Но теперь она звучала совсем не так весело...

*Светит круглая луна,
Дремлют ёлка и сосна.
Снег сверкает серебром,
Мы шагаем впятером.
Мы снежные, мы белые,
Идём — шагаем вдаль...
Мы дружные, мы смелые...*

— Но Дятла очень жаль, — печально добавил Мудрец.

— Ой! Глядите! — крикнул вдруг Малыш. — Из-за того пенька торчат чьи-то уши! Какие длинные!

— Судя по всему, — заметил Мудрец, — это уши Солнца.

— Ступай вперёд, Пожарник, — шепнул Малыш. — Ты у нас

самый храбрый!

— Гм... Это верно — самый храбрый... Да как-то... Солнце ведь. А вдруг?..

Бочком, бочком Пожарник приблизился к пеньку и почтительно заговорил:

— Ваше сиятельство! Ваше сверкательство! Ваше ослепительство! Мы очень вас боимся!

— А я вас боюсь, — раздался голос из-за пенька. — Я — Заяц. А вы кто такие?

— Мы снеговики. Мы идём к Солнцу.

— Вот здорово!

*Передайте Солнышку,
Чтобы поскорей
Приходило Солнышко
К нам из-за морей!*

— Как?! Ты тоже не боишься Солнца?

— Не боюсь! Всего боюсь, а Солнца не боюсь! Если оно не выглянет, завтра в полдень придётся мне помирать...

*Роюсь, роюсь я в снегу,
Начинаю снова,
И найти я не могу
Ничего счастливо!*

А знали бы вы, как я замёрз! Мне бы хоть какой-нибудь домик!

— Пожарник, — прошептал Дед-Мороз, — отдай ему свою каску!

— Чтобы я отдал каску? Шутить! Это моя гордость! Если я её отдам, кто поймёт, что я Пожарник?

— Помогите, люди добрые, — жалобно пискнул Заяц.

Дед-Мороз толкнул Пожарника локтём в бок:

— Слышишь, что он говорит? Люди, говорит! Добрые, говорит! Стыдись! Я ведь не пожалел своей бороды!

— А я сачка не пожалел! — добавил Малыш.

И тогда Пожарник снял с себя кастрюлю и поставил её перед Зайцем.

— Вот тебе домик, — грустно сказал он. — Нравится?

— Ещё бы! — в восторге крикнул Заяц и прыгнул в кастрюлю. — Ни у кого в лесу нет такого домика! Спасибо, Пожарник! Теперь бы ещё морковочки... — И Заяц устался на красные морковные носы снеговиков.

Снеговики переглянулись. Расстаться с таким красным, прекрасным носом?..

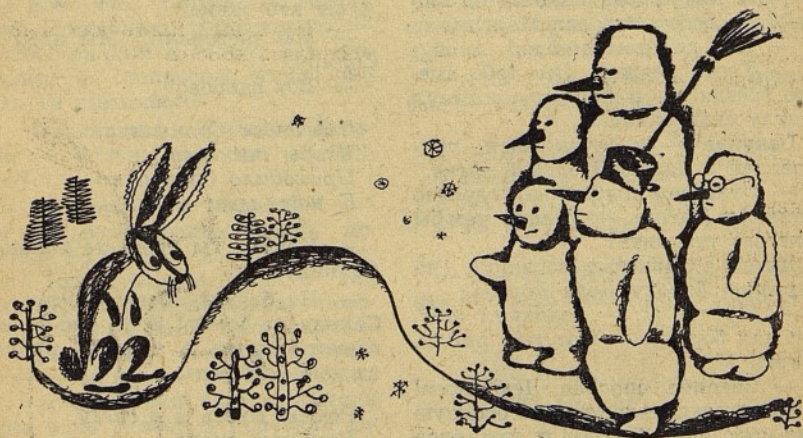
— Шпасибо! У ваш очень вкусный нос!

И снеговики, совсем расстроены, поплелись дальше. Оказывается, никто, кроме них, не боится Солнца. Оказывается, все его ждут. Всем оно — добрый друг. И только им, снеговикам, — враг. Снеговики шли, повесив носы, — четыре печальных морковных носа. А Деду-Морозу уже и вешать было нечего. Он решил подбодрить товарищей и затянул было походную песню: «Светит круглая луна, дремлют ёлка и сосна» — как вдруг в лесу раздался смутный шум, приглушённые стоны...

Мы не спим! Мы не спим!

Мы горюем и скрипим!

Наши маленькие детки —

— Эх, ладно, Заяц! — махнул рукой Дед-Мороз. — Остался я без бороды, так уж и нос ни к чему. Видно, у Деда-Мороза такая судьба, всем делать подарки. Отдаёт тебе свой нос благородный Дед-Мороз...

Заяц обеими лапами схватил морковку и тут же начал её грызть. Ну и голодный он был! Даже не сразу сказал «спасибо». А когда сказал, это у него получилось так:

*Наши тоненькие ветки
Ох! под снегом гнутся!
И сердца у нас порою
Под замёрзшею корою
Еле-еле бьются!*

Где же ты, Солнышко? Где же ты, тёплое?

Так пели деревья. И метла в руках у Дворника, вспомнив, что и она была когда-то деревом, зашевелилась и начала подпевать дребезжащим голосом.

— Слушайте, ребята, — сурово сказал Пожарник. — Так нельзя. Если мы попросим Солнце не приходить — они все тут погибнут...

— А если оно придёт — мы растаем, — прошептал Малыш.

— Нельзя думать только о себе, — сказал Дед-Мороз. — Не забывай: мы почти люди! Значит, мы должны рассуждать по-человечески...

— Но как же быть? — спросил Дворник.

— Самое умное, что мы можем сделать, это — вернуться домой, — сказал Мудрец. — Утро вечера мудренее. А утро уже наступает.

И правда, звёзды уже бледнели, уже кричали первые петухи, когда снеговики подошли к своему двору. Криш, услышав их шаги, твякнул спросонья, но тут же всё вспомнил и успокоился. На берёзе сидела ворона. Она всю ночь летала за снеговиками и только что вернулась домой. Сорина встретила снеговиков громким, картавым, пронзительным криком:

— Карр! Карр! По пррравде говорря, зрря вы всю ночь брродили по лесу! Где живёт Солнце, знаю только я!

— Что же ты раньше не сказала? — рассердился Дворник.

— А вы меня ррразве спррашивали? Ррразговарривали там со всякими дятлами да зайцами, а на меня, на мудрррую воррону, и внимания не обрратили...

— Не обижайся, — сказал Мудрец. — Скажи, какой у Солнца адрес?

— Ногами туда трудно дойти. А вот на крррыльях долететь можно.

— Сориночка, дорогая! Слетай

к Солнцу! Ну, пожалуйста! За это я подарю тебе...

— Опрраву от очков, — торопливо подсказала Сорина. — Она так здорово сверркает!

— Без очков мне гораздо труднее будет думать, — вздохнул Мудрец. — Но для общего дела... Нá, бери!

— Пррекrrрасно! — крикнула Сорина и спрятала оправу в гнездо. — Так чтó передать Солнышку?

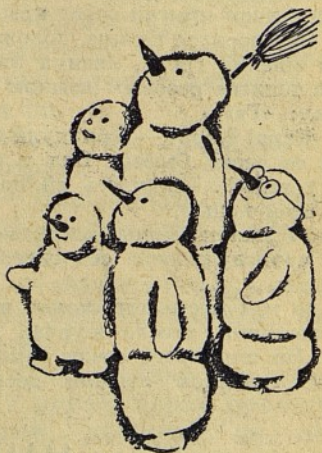
Целую минуту продолжалось молчание. А потом Мудрец произнёс дрожащим, прерывающимся голосом:

*Передай ты Солнышку,
Чтобы поскорей...*

И все подхватили:

*Приходило Солнышко
К нам из-за морей...*

— Ну а вы? Вы-то как же? — удивилась ворона.

— Мы? А мы уж... как-нибудь, — ответил Дед-Мороз, отворачиваясь.

— Будь по-вашему, — сказала Сорина. — Пррощайте! Лечу к Солнцу!

И она улетела. А снеговики встали на свои места. Но теперь у

Пожарника не было каски, у Мудреца — очков, у Малыша — сачка, а у Деда-Мороза — бороды и моркового носа. Только у Дворника по-прежнему была в руках метла — одна на всех.

А небо на востоке всё светлело, и наконец из-за леса начал медленно вылезать огненный краешек Солнца. Наверное, ворона уже поговорила с ним...

— Что-то из глаз капает, — тихо-тихо сказал Дед-Мороз. — Должно быть, уже таю...

Утром, ещё сквозь сон, я услышал, что во дворе кто-то негромко поёт. Песенка постепенно замирала, превращалась в неразборчивое журчание. Я успел запомнить такие слова:

*Мы таем, таем, таем,
Течём, течём, течём...
Ещё часок — и станем
Ручьём, ручьём, ручьём...*

Я оделся и выбежал во двор. На дворе была весна! Яркое светило солнце, звенела капель! Радостный Криш с лаем прыгал перед крыльцом. Он бросился ко мне, положил лапы мне на грудь, лизнул меня в нос тёплым розовым языком и сказал: «Гав!»

— Карр! Карр! — крикнула Сорина со своей берёзы. Вид у неё был усталый. Пришлось ей полетать этой ночью!

Так Криш и Сорина рассказали мне, что случилось со снеговиками.

А на том месте, где стояли вчера снеговики, весело журчал ручеёк. На его берегу среди первых робких травинки лежали десять

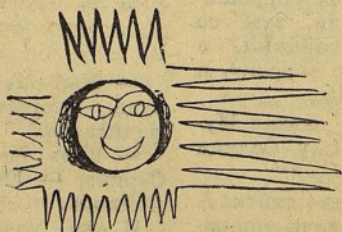
угольков, метла и четыре морковки.

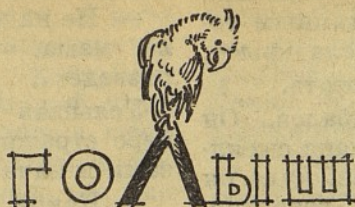
— Эх, — сказал я и запел свою вчерашнюю неоконченную песенку:

*Достал я пять морковок
И десять угольков
И сделал пять толковых,
Больших снеговиков!..*

Я пел, а рядом всё журчал и журчал ручеёк, словно продолжая мою песенку. И вот что у нас с ним получилось.

*Достал я пять морковок
И десять угольков
И сделал пять толковых,
Больших снеговиков.
На всех — одна метёлка.
Судьба на всех одна.
Они бы жили долго —
Но вот пришла весна!
Они тихонько пели
(Я слышал это сам!),
И слёзы — в самом деле! —
Стекали по носам:
«Мы таем, таем, таем,
Течём, течём, течём.
Ещё часок — и станем
Ручьём, ручьём, ручьём!..
Мы таем, таем, таем.
Нас было ровно пять.
Мы таем, но мечтаем:
Нас вылепят опять!
Расстанемся, растаем
До новенькой зимы.
Мы таем, но считаем —
Сюда вернёмся мы!»
Окончилось прощанье,
И вот — звенит вода:
«Ребята, до свиданья!
До встречи... До свида...»*

Это было в Оренбурге. Город недавно освободили от белых. Мальчишки ещё пели на улицах:

*Кто Дутова носил
На руках по городу,
Тому хлеба не дадим,
Уморим мы с голоду.*

Мы не носили Дутова по городу. Мы недавно приехали из Москвы. Мы сидели за столом и ели хлеб. Белый хлеб с румяной корочкой. Боже мой, если бы нам такой кусочек дали в Москве! Но в голодной Москве мы и чёрного не видели почти.

Мы сидели за столом. Папа, как обычно, читал газету. Мама, как всегда, командовала:

- Шура, не шали.
- Лёва, сиди прямо.
- Лена, не крутись.

Мы слушались маму, старались сидеть прямо, не крутиться, не шалить, но под столом норовили толкнуть друг друга ногой.

Вдруг кто-то постучал в дверь.

— Да, да, пожалуйста, — сказал папа.

Мы перестали есть и с любопытством уставились на

дверь. Она открылась, и вошёл человек. Мы даже зажмурились: таким он нам показался страшным. Чёрные глаза, чёрная борода, на голове какая-то странная цветная тряпка. А когда человек заговорил, мы ужаснулись ещё больше, увидев его огромные белые зубы. Это был не то перс, не то цыган, а может быть, армянин?

— Здравствуй, хозяин. Здравствуй, хозяйка. Салам. Какие хорошие детки, — сказал он.

Мы совсем притихли и посмотрели на отца.

— Здравствуй, — ответил папа, — что скажешь?

— Купи, пожалуйста, птицу, — молвил перс, — из Африки привёз, попкой называется.

Только сейчас мы заметили в руках перса полосатый мешок, который он легко держал за какую-то тесёмочку.

Мы замерли, а перс уставился на нас чёрными глазами, которые у него крутились, как колёсики игрушечного автомобиля, и дёрнул за тесёмочку. Полосатый мешок раскрылся, показалась клет-

ка, а в ней — какой-то серый пушистый комочек.

— Что это? — спросила мама таким испуганным голосом, будто увидела крысу.

Папа начал хохотать.

Перс тоже улыбался. Он был доволен, что папа смеялся. В других домах, куда он заходил, было, вероятно, хуже.

— Что же это такое? — сквозь слёзы спросил папа. — Какой же это попугай? Где у него перья? Где хвост? Где крылья? Зачем ты его ошипал, как курицу?

— Что ты, хозяин, — начал объяснять перс, — мы его пальцем не трогали. Это

очень старый и мудрый попка. Ему триста лет. Потому и лысый такой...

— Не надо бы, — попросила мама, — ещё паразитов разведёт...

Услышав мамины слова, перс страшно заворочал глазами и начал кричать:

— Какой глупый женщина! Зачем ругается? Какой паразит? Это учёный попка. Иностранный язык знает. На одной лапе висеть может.

Перс быстро сунул коричневый толстый палец в клетку и тотчас же выдернул его оттуда. На пальце, ухватившись за него одной лапой, висел вниз головой попугай. Но это был ещё не весь фокус. Перс посадил попугая себе на плечо, и попка действительно разразился целой тирадой на каком-то непонятном воинственном языке. «Очевидно, так говорили триста лет назад», — подумали мы. Но попка вполне мирно закончил:

— Ну, пошли торговать.

Эта фраза снова рассмешила папу и он спросил:

— Сколько же тебе за этого голыша?

Перс потупил глаза и произнёс:

— Учёный попка дорого стоит, хозяин. Не сердись, пожалуйста: одна буханка хлеба, одна старая рубашка.

Шла гражданская война. Деньги не имели цены. Хлеб был дороже всяких денег. Уж как маме не хотелось отдавать хлеб, что принёс отец

из губпродкома! В памяти всё ещё стояла голодная Москва и мешочники, у которых мама выменивала горбушки чёрного, пахнущего керосином и махоркой хлеба за какие-то домашние вещи. А тут этот проходимец требует за своё чучело без хвоста и перьев целую буханку белого! Но мы так просили, так просили, что мама наконец согласилась.

И вот попугай, настоящий попугай, хоть и без хвоста, стал жить у нас дома.

Когда мы садились за стол, он тоже перебирался к нам. Остальное время он сидел на спинке стула и дремал. Всё же — триста лет! Оживал он только, когда кто-нибудь из нас входил в комнату. Вечером он забирался в свою клетку, и мы покрывали её полосатым мешком, чтобы свет не мешал попке спать.

Голыш быстро подружился с папой, но меня он невзлюбил с первого же часа нашего

знакомства. И в этом был виноват я сам. Когда он важно ходил по столу мимо наших тарелок, я щёлкнул его по круглому, чёрному клюву. Попка отскочил, жёлтые зрачки сузились от ярости, и он зловеще произнёс свою любимую фразу, в которой на этот раз был скрыт особый смысл:

— Ну, пойдём торговать...

Я не придал этому значения и — поплатился. Попка незаметно перебрался на спинку моего стула, и, когда я откинулся назад, он клюнул меня в ухо. Не столько от боли, сколько от неожиданности я свалился на пол, а попка повис вниз головой и кричал на всю комнату маминым голосом:

— Шура, не шали. Шура, сиди прямо.

Папа был на стороне попугая.

— Вот видишь, птица не простила тебе твоей безобразной выходки.

Сколько раз потом я пытался наладить отношения с попугаем, ничего не получалось. Голыш сторонился меня и ждал удобного случая, чтобы опять напасть, когда я зазеваюсь. Но теперь я был постоянно начеку, а стул с высокой спинкой в целях

предосторожности заменили обычным табуретом.

Однако от голого попугая доставалось не только мне. Мама не зря уговаривала папу не покупать попку. Чужало её сердце, что натерпится она от него неприятностей.

Когда папа уходил на работу, мама одевала нас с сестрой и выпускала гулять, а сама шла в кухню готовить обед. Так было до того, как в нашей квартире появился попка. Надо сказать, что мы с сестрой жили не очень дружно. Не то, чтобы я колодил её. Мне с детства внушали, что женщин обижать стыдно. Но уж больно тряслись над сестрой мама и бабушка. Это меня возмущало. Ну, что из того, что я старше на три года? Мне тоже хотелось, чтобы надо мной немножко поахали и поохали. Но меня просто не замечали.

— Мама! — кричала Леночка на весь дом, когда я только ещё направлялся к ней.

Боже, что тут начиналось! Бабушка бросала книгу, мама — свои кастрюли, и обе спешили проверить, не оторвал ли ногу этот Шурка у маленькой девочки. И хотя руки-ноги у бедной девочки были целы, меня ставили в угол и обещали: «В цирк не пойдёшь!»

На несколько дней вопли Леночки прекращались. Я в это время или рыбачил или гонял голубей.

Но с тех пор, как у нас по-

селлся Голыш, Леночка кричала все дни подряд.

— Мама! — вдруг раздавался её плач на всю квартиру. Мама и бабушка бросали все свои дела и неслись на помощь. Но в комнате никого не было. Мы мирно играли под окнами. В комнате был только Голыш. Он сидел в клетке и хохотал голосом своего старого хозяина перса.

— Ну и артист! — смеялась бабушка.

Но когда это стало повторяться довольно часто, мама рассердилась и отлупила обманщика полотенцем. Голыш ответил страшной мстью.

— Варюша, — стал он кричать папиным голосом чуть только забрезжит рассвет, — Варюша, пора вставать.

Мама вскакивала с постели, спешила в кухню, разжигала примус, приходила наконец в себя, смотрела на часы и только тут соображала, что вставать ещё рано, что до завтрака ещё не менее четырёх часов и что папа спит, потому что вчера было какое-то совещание и приехал он домой поздно. Тут мама окончательно пробуждалась и, разгневанная, с полотенцем, шла в столовую, чтобы наказать Голыша.

— Ну, пошли торговать! — кричал ей из клетки попка после длинной тирады, произнесённой на древнем языке.

Конечно, сон уже пропал.

А сколько раз Голыш пу-

гал маму до слёз, когда папа уезжал в командировку. Все знали, что папы нет дома, что папа уехал в Москву. И вдруг чуть свет раздавался его голос:

— Варюша!

Даже нам становилось страшно.

— А, чтоб тебя, — сердилась мама и начинала думать: а не случилось ли чего с папой в дороге? Птица зря кричать не станет.

А попка не унимался. Бабушку иногда мучили приступы астмы. Тогда на неё нападал кашель, и она никак не могла остановиться. В такие минуты мама торопилась скорее накапать в стакан каких-то капель и давала бабушке. Кашель прекращался.

Попка быстро научился кашлять, как бабушка.

— Кха-кха-кха... — раздавалось вдруг в соседней комнате. Мама бежала за стаканом и каплями, но бабушка спокойно спала в своей кровати.

Но бывало и так. Бабушку и в самом деле душил кашель, а мама спокойно продолжала читать книжку:

— Не обманешь, не обманешь, паршивец...

Однажды, придя с работы, папа сказал, что его переводят на новое место работы. На Волгу. В Царицын. Оттуда были выбиты белые.

— Собирайтесь. Завтра дадут теплушку.

Сборы в нашей семье всегда были быстрыми. Бабуш-

ка уже гремела тазами и вёдрами на кухне. Мама набивала бельём чемоданы. Папа затягивал рогожей буфет. Но больше всех суетились мы. Мы тащили к маме в чемодан осколки цветных стёкол, крышки из-под ваксы, безногих солдатиков, безголовых лошадок и прочее наше богатство, с которым никак нельзя было расстаться. И вдруг у всех у нас мелькнула одна и та же мысль. Даже бабушка пришла из кухни.

— А Голыш? Что же с ним делать? На дворе зима. А у птицы даже перьев нет. Погибнет.

— Надо подарить кому-нибудь, — сказал папа. — С ребятами хлопот не оберёшься, а тут ещё это чучело...

— Отдадим кому-нибудь паршивца, — сказала мама.

Но не тут-то было! В один миг мы всё простили Голышу. И моё прокушенное ухо, и бабушкин кашель, и его иностранную речь, и вечное желание поторговать...

— Возьмём с собой в теплушку, — сказала бабушка. — Ведь артист.

— А клетку одеялом закутаем, так даже цветы зимой перевозят, — сказал папа.

— А клетку понесу я, — сказал я.

— Пусть едет, — согласился папа. — Живое ведь.

...И учёная птица (ей теперь шёл уже 302-й год) поехала вместе с нами на новое место жительства.

М. ЛИБИН

Владыка Кудыка

В тулупе с узором
И с верным

Трезором,

С пригорка на
горку,

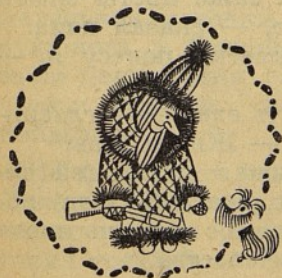
С бугра на бугор
Обходит дозором
Кудыкины горы
Кудыка —
Владыка
Кудыкиных гор.

Доволен обходом
Могучий владыка:
Куда ни

посмотрит —

Порядок вокруг.
Не слышно ни

скрипа,

Ни стука,
Ни крика.
Все горы на месте,
Как прежде.

И вдруг —
На белом снегу
Замечает Кудыка
Следы человека,
Собаки следы!
С великим

владыкой

С рожденья,

поди-ка,

Ещё не случилось
Подобной беды.

Кудыка подумал:
«Неужто же воры
Кудыкины горы
Решили украсть?!»
И тут же решил
За любимые горы
На поле сраженья
Со славою пасть.

Достал из кармана
Пищаль нарезную,
Из валежка вынул
Большой пистолет
И шашку большую
Стальную,
Складную
Достал из-за пазухи
В сей же момент.

За самой крутой
И высокой горою
Кудыка в засаде
От стужи дрожал.
Но, видимо, вор
Испугался героя
И с поля сраженья
Позорно бежал.

Но храбрый Кудыка
Воскликнул

сердито:

«Я горы свои
Никому не отдам!
Мы вора изловим!
Поймаем бандита!
Устроим погоню!
Найдём по следам!»

Он кликнул Трезора
И низко согнулся,
Чтоб пристальным

оком

Взглянуть на следы.
Почувствовал жар,
Побледнел,
Пошатнулся,
Присел на пенёк
И промолвил:
«Воды...»

И понял Кудыка,
Что вовсе не воры,
А сам он
Изрядно вокруг

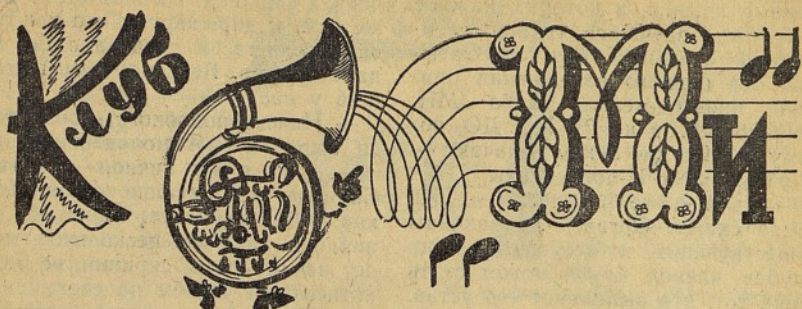
наследил,

Когда по горам
и пригоркам

Дозором
В тулупе с узором
С Трезором ходил!

Рис. Г. Ясинского

ПЕРВОЕ

Первое заседание клуба началось поздно... Ну почему же обязательно ночью? Как раз поздно утром, после ранней утренней репетиции большого симфонического оркестра. Музыканты ушли, а все инструменты остались. Это вас, конечно, не удивит. В конце концов не могло же быть наоборот?!

В большом зале ни души. Откуда-то сверху золотой стрункой пробивается солнечный луч, упираясь в лист раскрытой партитуры. На стульях лежат скрипки, скрипки, скрипки... Прислонились к сиденьям виолончели, таинственно поблёскивают трубы всевозможных форм, всё ещё тихо покачивается от последнего удара огромный гонг. А рядом с прелестной воздушной арфой стоит рояль во всём чёрном...

И вдруг (а какая удивительная история бывает без «вдруг?»)—инструменты заговорили. На своём, конечно, языке, но тот, кто любит музыку—это я о нас с вами,—его поймёт.

— Пора! — бухнул Барабан.

— Совершенно верно, — пискнула Флейта. — А что пора?

— Пора организовать клуб музыкальных инструментов. Чур, председателем буду я, — торопливо забубнил Барабан.

— Чур, не ты, — крикнула капризная Валторна. — Чур, не знаю кто, но не ты.

— Я буду, — рявкнул Тромбон. — Я самый громкий инструмент в оркестре.

— Подумаешь! — важно молвил Контрафигот. — А я самый низкий инструмент — ни у кого нет такого баса.

— А у меня голос самый высокий, — свистнула Флейта.

Поднялся очень немзыкальный шум. И тут — на всякий случай прикройте уши: от такого звука даже стёкла из окон вылетают, — словно десять оркестров одновременно сыграли могучий аккорд. Это зазвучал огромный Орган, занимавший всю стену.

— Тиш-ш-ше! — ухнул он во всю силу своих двух тысяч труб.

— Совершенно верно, тише, — пискнула Флейта. — Уважаемый председатель нашего будущего клуба хочет что-то сказать.

Да, друзья мои, раскинувший огромные крылья, в которых каждое перо было звучащей трубой, сверкающий стальным блеском Орган был без единого возражения признан председателем клуба МИ. Именно МИ, а не РЕ или ДО, потому что эти две буквы означают — М-зыкальные И-нструменты.

— Уважаемые коллеги, — уже мягче сказал Орган, — по законам существующих и несуществующих клубов, членом клуба может стать лишь тот, кто выполняет его устав. Предлагаю утвердить устав клуба МИ, состоящий из одного пункта. Надеюсь, это не много? Итак, пункт первый и единственный: членом клуба МИ считается тот, кто расскажет какую-нибудь занимательную историю из жизни инструментов. Согласны?

Инструменты шумно выразили свое одобрение.

— Кто начнёт? — спросил Орган.

Против ожидания наступила длительная пауза¹.

— Пусть Скрипки начинают, — бухнул Барабан. — Они у нас всегда первые и даже вторые.

Первые Скрипки, которые находятся обычно слева от дирижёра, и вторые, которые сидят от дирижёра справа, зашумели, обсуждая выпад Барабана.

¹ Пауза — перерыв в звучании. Музыкальные инструменты не очень любят паузы. Они больше любят звучать.

— Я полагаю, — заметила самая первая Скрипка, которая была ближе всех к дирижёру, — что как раз вам, коллега, и следовало бы подать пример. Ведь вы самый старший у нас.

— Ничего, подобного, — возмутился Барабан. — Я молоденький.

— Я не о вас лично, — заметила Скрипка. — Я вообще о барабане как об инструменте. Барабаны появились на свет несколько тысяч лет назад. А мы, скрипки, не более пятисот лет живём на свете.

— Но ваша история, дорогая Скрипка, — певуче прожурчала Арфа, — началась ещё до вашего рождения.

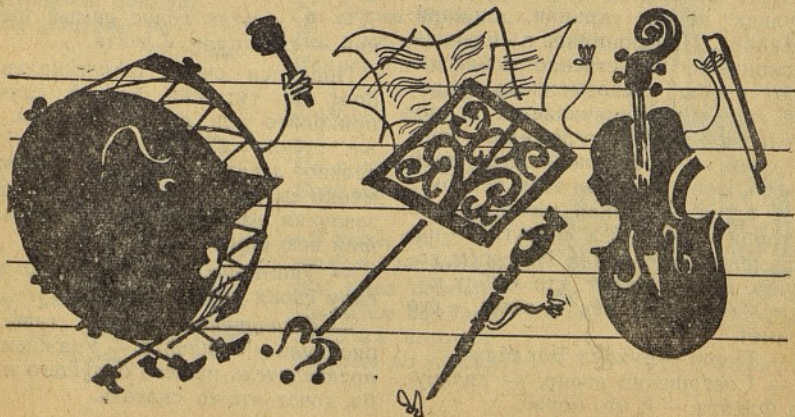
— Как это может быть? — зашумели инструменты.

— История всех струнных музыкальных инструментов, — мягко продолжала Арфа, — началась с появления первой в мире струны. Я могу рассказать вам легенду о первой струне.

— Просим, просим! — закричали инструменты.

— Итак, рассказ кандидата в члены клуба, всеми уважаемой Арфы, — протяжно загудел Орган. — Надеюсь, эта история имеет отношение и к вашей биографии, уважаемая Арфа.

— Конечно, — пропела в ответ Арфа. — Я ведь самый струнный из всех струнных инструментов. А у нас огромная семья... Впрочем, сначала история о первой струне...

РССХХЗ

В хижине старого мастера было темно, но старому мастеру это не мешало. Он и вслепую мог бы сделать свою работу. Старик сидел, облачённый в новую шкуру, которую ему совсем недавно поднесли благодарные соплеменники — охотники и воины. Ещё бы! Если бы не тугие луки и точные стрелы, которые вот уже тридцать лет делает старик, голод и нашествия враждебных племён давно положили бы конец существованию малочисленного народа.

Сегодня старый мастер решил испытать новую тетиву, обработанную особым составом. Много дней висела она на солнце и под дождём, на ветру и в мороз. Но когда мастер снял её, жилка была по-прежнему упруга и свежа. Долго будет служить, пока не сотрётся и не лопнет под стрелой!

Мастер уже принялся натягивать тетиву, когда за пологом хижины раздался лёгкий шаг. Знакомая походка. Старик, предчувствуя встречу, улыбнулся. Полог отлетел в сторону, впуская в хижину солнечный луч и двенадцатилетнего мальчика. Это был сын вождя. Как всегда, он зашёл, чтобы молча, как подобает мужчине, посидеть в хижине у друга и отдать должное его уважаемому труду. Почтительно поздоровавшись со старшим, он отошёл и сел в стороне.

— Отцу твоему подарок делаю, — первым нарушил тишину мастер, кивнув на свою работу.

— Твоя работа всегда достойна лучших воинов, — сдержанно ответил мальчик. И помолчал, добавил: — Мне ещё рано ходить на охоту, но пустые забавы сверстников мне уже надоели. Глаза мои многому научились в твоей хижине. Я хочу научить руки,

Старый мастер с уважением глянул на мальчика.

— Хорошо, когда воин имеет хорошее оружие, — сказал он. — Но ещё лучше, когда он имеет хорошего сына... Ты знаешь, где лежат заготовки. Возьми.

Мальчик поблагодарил старика и отправился в чулан. Когда он вышел оттуда, старик глянул на его руки и удивился:

— Три? Ты взял три тетивы?

— Это мало?

— Это много. Воин не может ошибаться на охоте. Научись не ошибаться в работе.

— Ни одна из жилок не будет испорчена, — пообещал мальчик и вышел.

Он пришёл через день и протянул мастеру свою работу. Тот удивлённо поднял брови:

— Ты хочешь, чтобы из твоего оружия можно было поразить несколько целей? Не много ли три тетивы на одно древко?

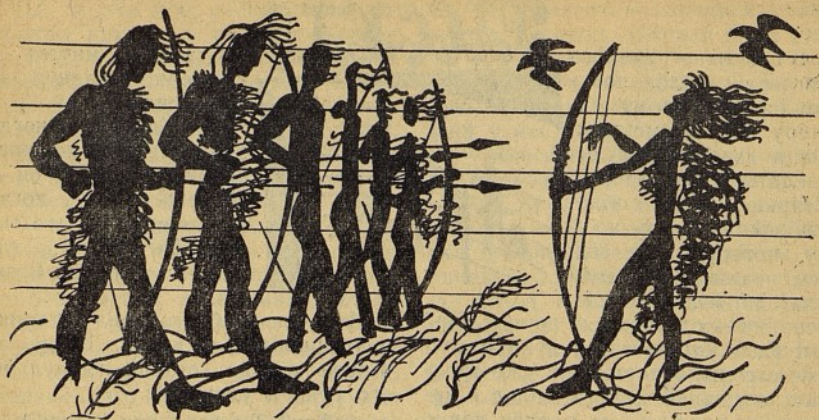
— Да, — ответил мальчик, — я хочу поразить сразу многих. Но этот лук не требует стрел. Я сделал так не для того, чтобы убить.

Он провёл пальцами по тетивам. Они мягко запели. И долго в воздухе висел чистый певучий аккорд. Да, это было не случайное сочетание звуков, а первый в мире чистый аккорд.

— Я делал свою работу головой и руками, — тихо сказал старик. — Тридцать лет я трудился. Ты трудился один день, но ты делал свою работу ещё и сердцем. Она хороша. Но зачем она?

— А зачем поёт птица? — тихо спросил мальчик. Ему было обидно, что старый мастер не понял его...

Дважды тонкий месяц, походивший на древко лука, наливался ярким светом и дважды после этого таял. А когда он третий раз пошёл

в рост, на далёком холме воины племени увидели три костра. Это был недобрый знак. Воины чужого племени предлагали уйти соплеменникам мальчика и старика с насиженных мест. Что ж, это было не в первый раз. В хижине у старого мастера стало тесно, а после ухода воинов — просторнее, чем было. Не осталось ни одной стрелы, ни одного копья.

Когда костры угасли, как звёзды, воины сошлись. От каждого племени отделилось по одному человеку. Нет, они не встали друг против друга, они встали и натянули луки. Первый выстрелил, и его стрела проткнула шкуру маленького барабанчика, который служил мишенью. Выстрелил второй — и гулко лопнула шкура такого же барабанчика, висевшего рядом. Тогда от племён были выставлены ещё два воина. Первый метнул копьё, и наконечник его целиком ушёл в ствол дерева, что стояло в пятидесяти шагах. Метнул копьё второй — и вот уже два копья-близнеца торчат рядом. Два борца вышли навстречу друг другу и сплелись могучими руками. Долго стояли они неподвижно, а потом оба упали, одновременно коснувшись земли.

— Они во всём равны, — сказал вождь пришельцев. — Эти шестеро

не смогли решить нашу судьбу. Пусть будет бой.

И тогда вперёд вышел мальчик. Никто не заметил, как он оказался среди воинов.

— Не во всём равны воины наших племён, — слегка дрожащим от волнения голосом сказал он.

Вождь вражеского племени нахмурился:

— Дети не воины, чтобы участвовать в сражении. А воины — не дети, чтобы слушать речи слабых.

— Сын, — сказал отец мальчика, — в твоих руках игрушка, а мы уже выросли. Иди. Тебя ждёт мать.

— Хорошо, отец, — сказал мальчик. — Ты сам учил уважать противника. Я хочу подарить вождю пришельцев свою игрушку. Я — сын вождя. Он должен принять мой подарок.

— А что мне делать с этим луком без стрел? — насмешливо спросил вождь пришельцев.

Мальчик улыбнулся и тихо тронул струны. Потом он слегка согнул древко, и струны словно вздохнули. Резко разогнулось древко — струны вскрикнули. Воины обоих племён притихли. А мальчик стал перебирать струны, сгибая и разгибая древко лука...

Ни земля, ни небо, ни лес, ни горы не слышали таких звуков. Так

не пела ни одна птица, так не пел ни один человек. Но это была песня, хотя в ней не было слов. И без слов было ясно, о чём она. «Так прекрасна земля! Так прекрасно небо! — пели струны. — Так прекрасен человек! Нужно петь и слушать пение, а не свист стрел...»

Вот о чём была эта песня без слов.

И воины опустили стрелы, когда вождь пришельцев сказал:

— Ты прав, мальчик. Наши племена не во всём равны. Я принимаю твой вызов, хотя ты не воин. Я приду к тебе со своей песней, и мы снова встретимся лицом к лицу... Твоё племя победило, — сказал он отцу мальчика.

И по знаку своего вождя воины пришельцев спрятали луки и стрелы...

В хижине старого мастера было полутемно. Старик и мальчик снова сидели рядом.

— Твоё оружие поразит многих, — улыбаясь сказал старик и тронул лук, на котором было натянуто множество тетив. Тетивы запели. Жилки были свежими и певучими. А стрелы?.. Стрел не было видно нигде.

— **В**ОТ и вся история, — заключила Арфа.

— Вернее, это лишь начало истории, — заметила Скрипка. — Нача-

ло истории всех струнных инструментов.

— Но ведь у всех струнных инструментов, кроме струн, есть ещё и... как бы это сказать... корпус, туловище... Откуда оно взялось? Что натолкнуло людей на мысль натянуть струну на деревянный ящик? — спросил глухим голосом задумчивый Гобой.

— Ящик!.. Прошу вас выражаться деликатней, — обиделась одна из Скрипок...

— Друзья, — прогудел Орган. — У нас, к счастью, есть надёжные источники для установления нашей родословной. Сохранились древние рисунки, кое-где раскопали и древнейшие инструменты. Более того, некоторые из них живут и поныне.

— И я могу рассказать об одном из них, — заметил Кларнет. — Когда я был ещё просто веткой чёрного дерева, я жил на одном из далёких южных островов. И вот там-то я видел интересный музыкальный инструмент...

— Простите, коллега! — перебил его Орган. — Я боюсь, что сегодня вы не успеете нам рассказать об этом инструменте. Через несколько минут зал начнут готовить к концерту. Каким образом люди додумались натянуть струну на деревянный корпус, мы узнаем в следующем раз. А сейчас, я думаю, мы можем поздравить уважаемую Арфу и считать её первым членом клуба МИ...

ПОТЕРЯННЫЙ КОШЕЛЕК

Жил в Алемтежу богатый купец. Чем больше денег откладывал он в сундук, тем скупей становился. Целыми днями только о том и думал, как бы нажиться и бросить в сундук ещё одну горсть золотых монеток.

Однажды он купил гурт овец и продал его с большим барышом. Весёлый, с тугим кошельком в кармане, купец возвращался домой с базара. И как было ему не веселиться! В кошельке позванивали четыреста золотых эскудо.

«На эти четыреста я опять куплю овец и продам их за восемьсот. Куплю новых и опять продам вдвое дороже...» — думал жадный купец и так размечтался, что выронил кошелек из кармана.

Только дома он обнаружил пропажу и вместе с тугим кошельком чуть не потерял последний рассудок. Всю ночь он не спал, вздыхал и охал, а утром отправился к властителю города, великому герцогу, и, низко кланяясь, стал просить его:

— О великий герцог, заступник несчастных и покровитель всех честных людей! Выручи меня из беды, прикажи объявить указ: «Если кто-нибудь найдёт кошелек с четырьмястами эскудо, пускай принесёт к тебе, и из четырёхсот получит в награду сорок».

Герцог пожалел купца и в тот же день велел объявить на площади о потере и об обещанной награде. А через три дня к нему пришла бедная женщина и вручила кошелек с четырьмястами эскудо.

— Твоя честность достойна награды, — сказал герцог и приказал позвать купца.

Увидев свой кошелек, купец высыпал деньги на стол и с жадностью принялся пересчитывать золотые. Их было ровно четыреста. Но теперь купцу не захотелось расставаться хотя бы с десятой долей денег.

— О женщина! — воскликнул мошенник. — Здесь не все деньги! Кроме этих вот четырёхсот эскудо я положил в

кошелёк ещё четыре венецианских золотых!

Женщина спокойно ответила:

— Сеньор купец, если бы я хотела присвоить себе ваши деньги, я взяла бы весь кошелёк и не принесла бы его великому герцогу.

Все поняли, что она говорит правду, но купец продолжал кричать и бранить женщину.

Конечно, герцог догадался, что жадный купец попросту не хочет платить женщине обещанной награды, и приказал ему:

— Подойди ко мне и дай сюда кошелёк.

Купец выполнил приказание.

Герцог спросил:

— Ты утверждаешь, что в твоём кошельке были ещё четыре венецианские монеты?

— Да, сеньор герцог.

— Почему же ты не сказал мне об этом раньше? Или ты хочешь присвоить чужое?

И, возвысив голос, сказал:

— Этот кошелёк не принадлежит купцу. Я тоже на днях потерял кошелёк, и в нём было как раз столько же золотых эскудо, но не было ни одной венецианской монеты. Значит, этот кошелёк мой.

Затем, обратившись к женщине, прибавил:

— Почтенная сеньора, дарит не тот, кто богат, а тот, кто добр, — так говорят у нас в народе. Потому-то ты и принесла сюда этот кошелёк. Возьми же его себе в награду за доброту.

И он отдал женщине кошелёк со всеми эскудо.

А жадный купец ушёл ни с чем и стал посмешищем всего Алемтежу.

Перевод Т. Шишловой

На уроке шёл опрос

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Томми, что ближе к нам: Франция или Луна?

— Луна, сэр.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что Луну мы можем видеть из окна, а Францию нет.

— Шарль, назови четырёх диких животных.

— Три тигра и один лев.

На дом задали сочинение на тему: «Что такое лень?»

В тетради Фрица три страницы оказались совершенно чистыми и только на четвертой было написано: «Это и есть лень!»

— Кто был отцом Карла Двенадцатого.

— Карл Одиннадцатый.

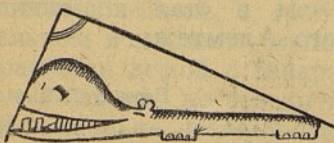
— А отцом Франциска Первого?

— Франциск Нулевой!..

— Когда я говорю: «Я умываюсь, ты умываешься, мы умываемся», что это за время?

— Воскресенье, господин учитель.

СМЕЯ- ДЛЯ ВСЕХ

— Как называется сторона, лежащая против прямого угла в треугольнике?

— Ге... Ги...

— Ну-ну, гипо... гипо...

— Гипопотам!

— Джимми, какие три слова чаще всего повторяют ученики?

— Я не знаю.

— Правильно.

— На прошлом уроке мы с вами беседовали об изобретениях недавнего времени. Ну, а теперь, Джонни, скажи, чего не существовало двадцать пять лет назад?

— Меня.

— Наша учительница ничего не знает, — авторитетно заявляет девочка, вернувшись домой после первого дня в школе.

— Как так? — удивилась мама.

— Посуди сама, — продолжает дочка, — на уроке она нам показывала картинки животных и каждый раз спрашивала: «А это кто? А это кто?» Разве это учительница?..

— Скажи мне, Вилли, сколько было войн в Испании в XV веке?

— Шесть!

— Хорошо. Перечисли их.

— Первая, вторая, третья, четвертая, пятая и шестая.

— Скажи, Фрэд, какой месяц имеет двадцать восемь дней?

— Все имеют.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...Грузия является пчелиной столицей мира? Обилие фруктовых садов, цветущие альпийские луга создали на Кавказе наиболее благоприятные условия для жизни пчёл. Суровая зима в горах, альпийские растения с глубоко залегающими нектарниками способствовали образованию особой породы пчёл, названной серой, очень неприхотливой и с самым длинным хоботком — до 7,23 миллиметра. Предельная длина у итальянской пчелы не превышает 6,74 миллиметра. Серая пчела летает за взятком в любую погоду. Она очень вынослива и трудолюбива. В один из лучших годов для медосбора каждая итальянская пчелосемья дала 86 килограммов мёда, а грузинская — в полтора раза больше.

...горняки прииска «Среднекан» на Колыме нашли золотого... «зубра»? Этот редкий по форме самородок драгоценного металла весит 633 грамма.

...в зоопарке Вены (Австрия) находится самая маленькая в мире обезьянка? Её рост — 10 сантиметров. Она привезена из Бразилии.

...в Париже ведутся работы по строительству движущегося тротуара? Строятся три дорожки длиной по 185 метров и шириной 110 сантиметров. Они свяжут старую станцию метро Монпарнас с новым вокзалом Мэн-Монпарнас. Пропускная способность движущегося тротуара до 10 тысяч пассажиров в час.

...школьники «выудили»... золотой самородок? Трое ребят из районного посёлка Усть-Омчуг (Магаданская область) удили рыбу в местной речке. На дне заметили желтый камень. Когда они подняли его из воды, оказалось, что это золотой самородок. В золотоприёмной кассе установили, что «выуженный» самородок весит 1300 граммов.

...в одной из больниц Нью-Йорка врачи зарегистрировали у женщины, болевшей лихорадкой, повышение температуры до 43 градусов? До сих пор считалось, что повышение температуры тела человека за черту 42 градуса грозит неизбежной смертью.

...самая большая картина «Рай» была написана в 1588 году итальянским художником Тинторетто? Размер картины 7×22 метра. Экспонируется она в Венецианском дворце дожей.

...самым древним музыкальным инструментом является труба? Она известна человечеству более 30 тысяч лет.

...самой быстрой из собак считает русскую борзую? Она преследует дичь со скоростью до 60 километров в час.

...один житель Нью-Йорка обратился в больницу с жалобой на опухшие лодыжки? Врачи извлекли из его желудка 258 предметов, в том числе ключ для откупоривания пивных банок, 26 ключей и 3 комплекта чётков. Лодыжки же оказались в полном порядке.

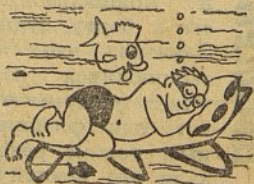
...человек способен прожить больше месяца без единого кусочка пищи? Американка Илэйн Джонсон (она весила 142 килограмма) решила похудеть и перешла на диету. Её дневной рацион состоял из 3,5 литра... воды. Два раза в неделю ей давали витамины. На такой диете Джонсон прожила 17 недель. Она потеряла 61 килограмм веса, но чувствовала себя хорошо.

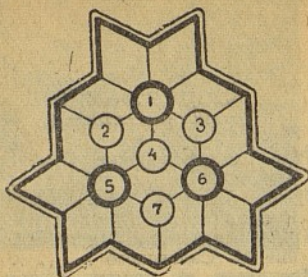

...воздушный сифон — уникальное явление природы — обнаружен в 80 километрах от Владивостока? Как выяснили учёные, полтора миллиона лет назад, в период вулканической деятельности, газовый поток проложил себе путь сквозь базальтовые толщи. Теперь по этому пути циркулирует воздух.

...калифорниец Роберт Форстер, ныряльщик за жемчугом, поставил рекорд времени пребывания под водой — 13 минут 12,5 секунды? Перед тем как совершить рекордное погружение, Форстер полчаса дышал кислородом.

Рассмотрите внимательно рисунок. Фигура представляет собою три звёздочки, вставленные своими лучами одна в другую... Верно?

Но здесь можно увидеть также четыре правильных шестиугольника, каждый из которых разделён на три клетки. Проверьте.

А задача состоит вот в чём: нужно превратить эту фигуру в кроссворд, подобрав три шестибуквенных и четыре трехбуквенных слова. Читаться слова будут по часовой стрелке, вокруг каждой цифры.

Задача нелёгкая, но попробуйте запастись терпением. Лучшее решение мы поместим в журнале.

ПО ДВЕ БУКВЫ

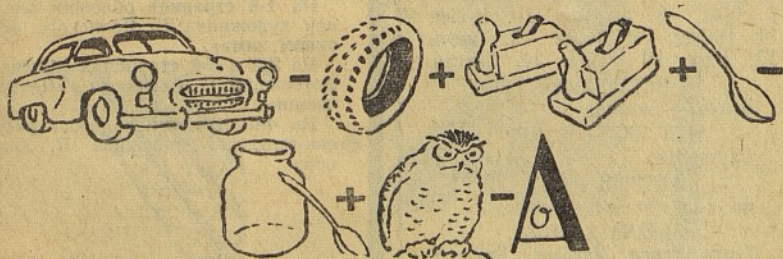
Составила Таня АЛЕКСЮШИНА

Выберите из каждого слова по две смежные (соседние) буквы, но так, чтобы из этих букв составила загадка...

Загадку тоже надо разгадать.

Тополь, Аляска, растение, лекало, фляга, антенна, выезд, медаль, жираф, неделя, пресс, вязанка, теннис, выемка.

ПЛЮС И МИНУС

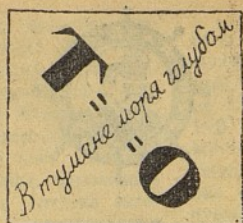
Эти ребусы решаются, как и обычные, но изображения, следующие за знаком минус, отнимаются от предыдущего текста.

Если вы сравните оба ребуса, то никак не скажете, что они похожи один на другой, не правда ли?..

А как обстоит дело с их разгадками?

РЕБУС-ШУТКА

Как вы думаете, какое слово можно прочесть, разгадав этот шуточный ребус?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 12)

КРОССВОРД

Сверху вниз слева направо.

1. Диктор. 2. Выгиб. 3. Ринг. 5. Ребус. 7. Интерн. 9. Кулон. 11. Гичка. 12. Портал. 14. Бетон. 16. Анализ. 17. Штаб. 18. Кумыс.

Сверху вниз справа налево.

1. Дерби. 2. Вершок. 4. Канат. 6. Губа. 8. Восток. 10. Рубин. 11. Гребок. 12. Почка. 13. Титул. 15. Атом. 19. Лабаз. 20. Ананас.

МЕТАГРАММА

Валун — шалун.

ЧТО ПЕРЕД ВАМИ?

«Искорка».

ХИТРЫЙ РЕБУС

На «Л» «О» + Г = налог.

ЗАДАЧА СЛОГОВ

Гинко, гомон, Монблан, Блантер, термин, миндаля.

Содержание

Утро. Стихотворение Семёна Когана	1
Туся. Повесть Александра Крестинского	2
У каждого лентяя. Стихотворение М. Садовского	17
Прекрасен их подвиг. Очерк Эд. Аренина	18
Баллада о Любке. Стихотворение В. Николаева	25
«Цветок жизни». Текст В. Гаазе к фотоочерку Г. Сафонова	26
В добрый путь! Подборка стихотворений В. Шалыта	28
Жёлтый океан. Рассказы о природе Н. Сладкова	31
Мы похожи на людей. Сказка Н. Слепаковой	40
Голыш. Рассказ А. Дурасова	47
Владыка Кудыка. Стихотворение М. Либина	52
Клуб «МИ». Очерк Аркадия Клёнова	53
Потерянный кошелёк. Португальская народная сказка	58
Смех для всех	60
Пёстрые заметки	61
Знаешь ли ты, что...	62
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «За окном зима».	
На 2-й и 3-й страницах обложки фотоочерк Г. Сафонова «Цветок жизни».	
На 4-й странице обложки рисунок-загадка художника П. Вискова.	

Редактор В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 2/XII 1968 г.

Подписано к печати 17/I 1969 г.

4 печ. л.

М-22621. Заказ № 1882. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69 800 экз

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

4

7

9

2

6

5

8

3

Кто слепил снеговика!
Засекречено пока.
Говорят, что весь отряд...
Только сколько в нём ребят!